

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Человек из СССР
Владимир Набоков

Аннотация
Владимир Набоков. Человек из СССР
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ II
ДЕЙСТВИЕ III
ДЕЙСТВИЕ IV
ДЕЙСТВИЕ V
Примечания

Аннотация

Набоков был больше чем антисоветский писатель. С советской властью у него были даже не идейные, а эстетические разногласия. Он относился к коммунистическому режиму с брезгливостью и презрением и отказывал ему в каком бы то ни было праве наследования русской культуры. Набоков не питал иллюзий по поводу возрождения России. Россия для него завершилась, и все, что происходит после 1917 года, к ней не имеет никакого отношения. Дальше, говоря словами одного из персонажей романа «Подвиг», была лишь одна «блатная музыка». «Раньше всего, — говорит главный герой пьесы «Человек из СССР» бывшему помещику, решившему от эмигрантской тоски бежать в Советский Союз, — отучитесь говорить «Россия». Это называется иначе».

Владимир Набоков
Человек из СССР

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабачок-подвал. В глубине — узкое продольное окно, полоса стекла, почти во всю длину помещения. Так как это окно находится на уровне тротуара, то видны ноги прохожих. Слева — дверь, завешенная синим сукном, ее порог на уровне нижнего края окна, и посетитель сходит в подвал по шести синим ступенькам. Справа от окна — наискось идущая стойка, за ней — по правой стене — полки с бутылками, и поближе к авансцене — низкая дверь, ведущая в погреб. Хозяин, видимо, постарался придать кабачку русский жанр, который выражается в синих бабах и павлинах, намалеванных на задней стене, над полосой окна, но дальше этого его фантазия не пошла. Время — около девяти часов весеннего вечера. В кабачке еще не началась жизнь — столы и стулья стоят как попало{1}. Федор Федорович, официант, наклонившись над стойкой, размещает в двух корзинах фрукты. В кабачке по-вечернему тускловато, — и от этого лицо Федор Федоровича и его белый

{1} Комментарии: 2.1

...стоят как попало. — В Рукописи: «...как попало, белые, угловатые пятна там и сям развернутых скатертей».

китель кажутся особенно бледными. Ему лет двадцать пять, светлые волосы очень гладко прилизаны, профиль — острый, движенья не лишены какой-то молодцеватой небрежности. Виктор Иванович Ошивенский, хозяин кабачка, пухловатый, тяжеловатый, опрятного вида старик с седой бородкой и в пенснэ, прибивает к задней стене справа от окна большущий белый лист, на котором можно различить надпись «Цыганский Хор». Изредка в полосе окна слева направо, справа налево проходят ноги. На желтоватом фоне вечера они выделяются с плоской четкостью, словно вырезанные из черного картона{2}.

Ошивенский некоторое время прибивает, затем судорожно роняет молоток.

ОШИВЕНСКИЙ:

Чорт!.. Прямо по ногтю...

{2} Комментарии: 2.2

...из черного картона. — В Рукописи следует продолжение: «Если сравнить действие на сцене с музыкой, то эти силуэты ног служат как бы черными музыкальными нотами. Разумеется, проходят они не беспрерывно, а со значительными промежутками. С поднятия занавеса и до той минуты, когда Федор Федорович, при появлении Кузнецова, спустит шторы, проходит всего десять пар ног, из которых две встречные, две непосредственно следуют одна за другой, а остальные проходят по одиночке».

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Что же это вы так неосторожно, Виктор Иванович. Здорово, должно быть, больно?

ОШИВЕНСКИЙ:

Еще бы не больно… Ноготь, наверно, сойдет.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Давайте я прибью. А написано довольно красиво, правда? Нужно заметить, что я очень старался. Не буквы, а мечта.

ОШИВЕНСКИЙ:

В конце концов, эти цыгане только лишний расход. Публики не прибавится. Не сегодня завтра мой кабачишко… — как вы думаете, может быть, в холодной воде подержать?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Да, помогает. Ну вот, готово! На самом видном месте. Довольно эффектно.

ОШИВЕНСКИЙ:

…не сегодня завтра мой кабачишко лопнет. И опять изволь рыскать по этому проклятому Берлину, искать, придумывать что-то… А мне как-никак под семьдесят. И устал же я, ох как устал…

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Пожалуй, красивей будет, если так: белый виноград с апельсинами, а черный с бананами. Просто и аппетитно.

ОШИВЕНСКИЙ:

Который час?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Девять. Я предложил бы сегодня иначе столики расставить. Все равно, когда на будущей неделе начнут распевать ваши цыгане, придется вон там место очистить.

ОШИВЕНСКИЙ:

Я начинаю думать, что в самой затее кроется ошибка. Мне сперва казалось, что эдакий ночной кабак, подвал вроде «Бродячей Собаки»{3}, будет чем-то особенно привлекательным. Вот то, что ноги мелькают по тротуару, и известная — как это говорится? — ну, интимность, и так далее. Вы все-таки не слишком тесно ставьте.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Нет, по-моему, так выходит хорошо. А вот эту скатерть нужно переменить. Вино вчера пролили. Прямо — географическая карта.

ОШИВЕНСКИЙ:

Именно. И стирка обходится тоже недешево, весьма недешево. Я вот и говорю: пожалуй, лучше было соорудить не подвал, — а просто кафе, ресторанчик, что-нибудь очень обыкновенное. Вы, Федор Федорович, в ус себе не дуете.

{3} Комментарии: 2.3

«Бродячая Собака» — знаменитое литературное кабаре Петербурга, официально называвшееся «Художественное общество Интимного театра» (1911–1915).

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

А зачем мне дуть? Только сквозняки распускать. Вы не беспокойтесь, Виктор Иванович, как-нибудь вылезем. Мне лично все равно, что делать, а лакеем быть, по-моему, даже весело. Я уже третий год наслаждаюсь самыми низкими профессиями, — даром что капитан артиллерии.

ОШИВЕНСКИЙ:

Который час?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Да я же вам уже сказал: около девяти. Скоро начнут собираться. Вот эти ноги к нам.

В полосе окна появились ноги, которые проходят сперва слева направо, останавливаются, идут назад, останавливаются опять, затем направляются справа налево. Это ноги Кузнецова, но в силуэтном виде, то есть плоские, черные, словно вырезанные из черного картона. Только их очертанья напоминают настоящие его ноги, которые (в серых штанах и плотных желтых башмаках) появятся на сцене вместе с их облада-

телем через две-три реплики.

ОШИВЕНСКИЙ:

А в один прекрасный день и вовсе не соберутся. Знаете что, батюшка, спустите штору, включите свет. Да… В один прекрасный день… Мне рассказывал мой коллега по кабацким делам, этот, как его… Майер: все шло хорошо, ресторан работал отлично, — и вдруг нате вам: никого… Десять часов, одиннадцать, полночь — никого… Случайность, конечно.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Я говорил, что эти ноги к нам.

Синее сукно на двери запузырилось.

ОШИВЕНСКИЙ:

Но случайность удивительная. Так никто и не пришел.

Раздвинув сукно, появляется Кузнецов и останавливается на верхней ступеньке. Он в сером дорожном костюме, без шапки, желтый макинтош перекинут через руку. Это человек среднего

роста с бритым невзрачным лицом, с прищуренными близорукими глазами. Волосы темные, слегка поредевшие на висках, галстук в горошинку бантиком. С первого взгляда никак не определишь, иностранец ли он или русский.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

(Бодро.) Гутенабенд. *(Он включает свет, спускает синие шторы. Проходящих ног уже не видно.)*

ОШИВЕНСКИЙ:

(Низко и протяжно.) Гутенабенд.

КУЗНЕЦОВ:

(Осторожно сходит в подвал.) Здравствуйте. Скверно, что прямо от двери вниз — ступени.

ОШИВЕНСКИЙ:

Виноват?

КУЗНЕЦОВ:

Коварная штука, — особенно если посетитель уже нетрезв. Загремит. Вы бы устроили как-ни-

будь иначе.

ОШИВЕНСКИЙ:

Да, знаете, ничего не поделаешь, — подвал. А если тут помост приладить…

КУЗНЕЦОВ:

Мне сказали, что у вас в официантах служит барон Таубендорф. Я бы хотел его видеть.

ОШИВЕНСКИЙ:

Совершенно справедливо: он у меня уже две недели. Вы, может быть, присядете, — он должен прийти с минуты на минуту. Федор Федорович, который час?

КУЗНЕЦОВ:

Я не склонен ждать. Вы лучше скажите мне, где он живет.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Барон приходит ровно в девять. К открытию сезона, так сказать. Он сию минутку будет здесь.

Присядьте, пожалуйста. Извините, тут на стуле коробочка… гвозди…

КУЗНЕЦОВ:

(Сел, коробка упала.) Не заметил.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Не беспокойтесь… подберу… *(Упал на одно колено перед Кузнецовым, подбирает рассыпанные гвозди.)*

ОШИВЕНСКИЙ:

Некоторые как раз находят известную прелесть в том, что спускаешься сюда по ступенькам.

КУЗНЕЦОВ:

Вся эта бутафория ни к чему. Как у вас идет дело? Вероятно, плохо?

ОШИВЕНСКИЙ:

Да, знаете, так себе… Русских мало, — богатых то есть, бедняков, конечно, уйма. А у немцев свои кабачки, свои привычки. Так, перебива-

емся, каля-маля. Мне казалось сперва, что идея подвала…

КУЗНЕЦОВ:

Да, сейчас в нем пустовато. Сколько он вам стоит?

ОШИВЕНСКИЙ:

Дороговато. Прямо скажу — дороговато. Мне сдают его. Ну — знаете, как сдают: если б там подвал мне нужен был под склад — то одна цена, а так — другая. А к этому еще прибавьте…

КУЗНЕЦОВ:

Я у вас спрашиваю точную цифру.

ОШИВЕНСКИЙ:

Сто двадцать марок. И еще налог, — да какой…

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

(Он заглядывает под штору.) А вот и барон!

КУЗНЕЦОВ:

Где?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

По ногам можно узнать. Удивительная вещь — ноги.

ОШИВЕНСКИЙ:

И с вином не повезло. Мне навязали партию — будто по случаю. Оказывается…

Входит Таубендорф. Он в шляпе, без пальто, худой, с подстриженными усами, в очень потрепанном, но еще изящном смокинге. Он остановился на первой ступени, потом стремительно сбегает вниз.

КУЗНЕЦОВ:

(Встал.) Здорово, Коля!

ТАУБЕНДОРФ:

Фу ты, как хорошо! Сколько зим, сколько лет! Больше зим, чем лет…

КУЗНЕЦОВ:

Нет, всего только восемь месяцев. Здравствуй, душа, здравствуй.

ТАУБЕНДОРФ:

Постой же… Дай-ка на тебя посмотреть… Виктор Иванович, прошу жаловать: это мой большой друг. Ошивенский. Айда в погреб, Федор Федорович.

Ошивенский и Федор Федорович уходят в дверь направо.

ТАУБЕНДОРФ:

(Смеется.) Мой шеф глуховат. Но он — золотой человек. Ну, Алеша, скорей — пока мы одни — рассказывай!

КУЗНЕЦОВ:

Это неприятно: отчего ты волнуешься?

ТАУБЕНДОРФ:

Ну, рассказывай же!.. Ты надолго приехал?

КУЗНЕЦОВ:

Погодя. Я только с вокзала и раньше всего хочу знать…

ТАУБЕНДОРФ:

Нет, это удивительно! Ты чорт знает что видел, что делал, — чорт знает какая была опасность… и вот опять появляешься — и как ни в чем не бывало!.. Тихоня…

КУЗНЕЦОВ:

(Садится.) Ты бы, вероятно, хотел меня видеть с опереточной саблей, с золотыми бранденбургами? Не в этом дело. Где живет теперь моя жена?

ТАУБЕНДОРФ:

(Стоит перед ним.) Гегелыптрассе, пятьдесят три, пансион Браун.

КУЗНЕЦОВ:

А-ха. Я с вокзала катнул туда, где она жила в мой последний приезд. Там не знали ее адреса.

Здорова?

ТАУБЕНДОРФ:

Да, вполне.

КУЗНЕЦОВ:

Я ей дважды писал. Раз из Москвы и раз из Саратова. Получила?

ТАУБЕНДОРФ:

Так точно. Ей пересылала городская почта.

КУЗНЕЦОВ:

А как у нее с деньгами? Я тебе что-нибудь должен?

ТАУБЕНДОРФ:

Нет, у нее хватило. Живет она очень скромно. Алеша, я больше не могу, — расскажи мне, как обстоит дело?

КУЗНЕЦОВ:

Значит, так: адрес, здоровье, деньги… Что еще?

Да. Любовника она не завела?

ТАУБЕНДОРФ:

Конечно, нет!

КУЗНЕЦОВ:

Жаль.

ТАУБЕНДОРФ:

И вообще — это возмутительный вопрос. Она такая прелесть — твоя жена. Я никогда не пойму, как ты мог с ней разойтись…

КУЗНЕЦОВ:

Пошевели мозгами, мое счастье, — и поймешь. Еще один вопрос: почему у тебя глаза подкрашены?

ТАУБЕНДОРФ:

(Смеется.) Ах, это грим. Он очень туго сходит.

КУЗНЕЦОВ:

Да чем ты сегодня занимался?

ТАУБЕНДОРФ:

Статистикой.

КУЗНЕЦОВ:

Не понимаю?

ТАУБЕНДОРФ:

По вечерам я здесь лакей, — а днем я статист на съемках. Сейчас снимают дурацкую картину из русской жизни.

КУЗНЕЦОВ:

Теперь перейдем к делу. Все обстоит отлично. Товарищ Громов, которого я, кстати сказать, завтра увижу в полпредстве, намекает мне на повышение по службе — что, конечно, очень приятно. Но по-прежнему мало у меня монеты. Необходимо это поправить: я должен здесь встретиться с целым рядом лиц. Теперь слушай: послезавтра из Лондона приезжает сюда Вернер. Ты ему передашь вот это... и вот это... *(Дает два письма.)*

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, а помнишь, что ты мне обещал последний раз?

КУЗНЕЦОВ:

Помню. Но этого пока не нужно.

ТАУБЕНДОРФ:

Но я только пешка. Мое дело сводится к таким пустякам. Я ничего не знаю. Ты мне ничего не хочешь рассказать. Я не желаю быть пешкой. Я не желаю заниматься передаваньем писем. Ты обещал мне, Алеша, что возьмешь меня с собой в Россию…

КУЗНЕЦОВ:

Дурак. Значит, ты это передашь Вернеру и, кроме того, ему скажешь…

Ошивенекий и Федор Федорович возвращаются с бутылками.

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, они идут обратно…

КУЗНЕЦОВ:

…что цены на гвозди устойчивы… Ты же будь у меня завтра в восемь часов. Я остановился в гостинице «Элизиум»{4}.

ТАУБЕНДОРФ:

Завтра что — вторник? Да — у меня как раз завтра выходной вечер.

КУЗНЕЦОВ:

Отлично. Поговорим — а потом поищем каких-нибудь дамочек.

ОШИВЕНСКИЙ:

Барон, вы бы тут помогли. Скоро начнут со-

{4} Комментарии: 2.4

…в гостинице «Элизиум». — Инверсия названия берлинской гостиницы «Eden» (нем. рай), находившейся против Зоологического сада, которую Набоков упоминает в рассказе «Путеводитель по Берлину» (1925). В «Одиссее» Гомера, «Энеиде» Вергилия элизиум — та часть Аида, где находятся души праведников.

бираться. *(Кузнецову.)* Можно вам предложить коньяку?

КУЗНЕЦОВ:

Благодарствуйте, не откажусь. Как отсюда пройти на улицу Гегеля?

ОШИВЕНСКИЙ:

Близехонько: отсюда направо — и третий поворот: это она самая и есть.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

(Разливая коньяк.) Гегельянская.

ТАУБЕНДОРФ:

Да вы, Виктор Иванович, знакомы с женой господина Кузнецова.

КУЗНЕЦОВ:

Позвольте представиться.

ОШИВЕНСКИЙ:

Ошивенский. *(Пожатие рук.)* Ах! Простите, это

я нынче молотком тяпнул по пальцу.

КУЗНЕЦОВ:

Вы что — левша?

ОШИВЕНСКИЙ:

Как же, как же, знаком. На Пасхе познакомились. Моя жена, Евгения Васильевна, с вашей супругой в большой дружбе.

ТАУБЕНДОРФ:

Послушай, как ты угадал, что Виктор Иванович левша?

КУЗНЕЦОВ:

В какой руке держишь гвоздь? Умная головушка.

ОШИВЕНСКИЙ:

Вы, кажется, были в отъезде?

КУЗНЕЦОВ:

Да, был в отъезде.

ОШИВЕНСКИЙ:

В Варшаве, кажется? Ольга Павловна что-то говорила…

КУЗНЕЦОВ:

Побывал и в Варшаве. За ваше здоровье.

Входит Марианна. Она в светло-сером платье-таер{5}, стриженая. По ногам и губам можно в ней сразу признать русскую. Походка с развальцем.

ТАУБЕНДОРФ:

Здравия желаю, Марианна Сергеевна.

МАРИАННА:

Вы ужасный свинтус, барон! Что это вы меня не подождали? Мозер меня привез обратно на автомобиле, — и для вас было бы место.

{5} Комментарии: 2.5
Платье-таер — платье строгого покроя

ТАУБЕНДОРФ:

Я, Марианночка, одурел от съемки, от юпитеров, от гвалта. И проголодался.

МАРИАННА:

Могли меня предупредить. Я вас там искала.

ТАУБЕНДОРФ:

Я прошу прощения. Мелкий статист просит прощения у фильмовой дивы.

МАРИАННА:

Нет, я очень на вас обижена. И не думайте, пожалуйста, что я зашла сюда только для того, чтобы вам это сказать. Мне нужно позвонить по телефону. Гутенабенд, Виктор Иванович.

ОШИВЕНСКИЙ:

Пора вам перестать хорошеть, Марианна Сергеевна: это может принять размеры чудовищные. Господин Кузнецов, вот эта знаменитая актрисочка живет в том же скромном пансионе, как и

ваша супруга.

МАРИАННА:

Здравствуйте. *(Кивает Кузнецову.)* Виктор Иванович, можно поговорить по телефону?

ОШИВЕНСКИЙ:

Сколько вашей душе угодно.

Марианна подходит к двери направо, возле которой телефон.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

А со мной никто не хочет поздороваться.

МАРИАННА:

Ах, простите, Федор Федорович. Кстати, покажите мне, как тут нужно соединить.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Сперва нажмите сосочек: вот эту красную кнопочку.

КУЗНЕЦОВ:

(Таубендорфу.) Коля, вот что называется: богатый бабец. Или еще так говорят: недурная канашка. *(Смеется.)* Артистка?

ТАУБЕНДОРФ:

Да, мы с ней участвуем в фильме. Только я играю толпу и получаю десять марок, а она играет соперницу и получает пятьдесят.

МАРИАННА:

(У телефона.) Битте, драй унд драйсих, айне нуль.[1]

КУЗНЕЦОВ:

Это, конечно, не главная роль?

ТАУБЕНДОРФ:

Нет. Соперница всегда получает меньше, чем сама героиня.

---

[1] Сноски: 1.1
Пожалуйста, тридцать три один ноль *(нем.)*.

КУЗНЕЦОВ:

Фамилия?

ТАУБЕНДОРФ:

Таль. Марианна Сергеевна Таль.

КУЗНЕЦОВ:

Удобно, что она живет в том же пансионе. Она меня и проводит.

МАРИАННА:

(У телефона.) Битте: фрейляйн Рубанская{6}. Ах, это ты, Люля. Я не узнала твой голос. Отчего ты не была на съемке?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Пожалуй, уж можно дать полный свет, Виктор Иванович. Скоро десять.

{6} Комментарии: 2.6

Рубанская — такую же фамилию носит персонаж романа Набокова «Машенька» (1926) Людмила.

ОШИВЕНСКИЙ:

Как хотите… У меня такое чувство, что сегодня никто не придет.

Федор Федорович включает полный свет.

МАРИАННА:

(У телефона.) Глупости. Откуда ты это взяла? Последняя съемка через неделю, они страшно торопят. Да.

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, прости, но я хочу тебя спросить: неужели ты все-таки — ну хоть чуть-чуть — не торопишься видеть жену?

МАРИАННА:

(У телефона.) Ах, он так пристает… Что ты говоришь? Нет, — конечно, нет. Я не могу сказать, — я тут не одна. Спроси что-нибудь, — я отвечу. Ах, какая ты глупая, — ну конечно, нет. Да, он обыкновенно сам правит, но сегодня — нет. Что ты говоришь?

КУЗНЕЦОВ:

А тебе, собственно, какое дело, тороплюсь ли я или нет? Она замужем?

ТАУБЕНДОРФ:

Кто?

КУЗНЕЦОВ:

Да вот эта…

ТАУБЕНДОРФ:

Ах, эта… Да, кажется. Впрочем, она живет одна.

МАРИАННА:

(У телефона.) Какая гадость! Неужели он это сказал? *(Смеется.)* Что? Ты должна кончать? Кто тебе там мешает говорить? Ах, понимаю, понимаю… *(Певуче.)* Ауфвидерзээйн.

КУЗНЕЦОВ:

(Марианне.) А вы говорили недолго. Я думал — будет дольше.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Марианне.) Двадцать копеечек с вас. Спасибо. Это мой первый заработок сегодня.

МАРИАННА:

(Кузнецову.) Почему же вы думали, что выйдет дольше?

КУЗНЕЦОВ:

Хотите выпить что-нибудь?

МАРИАННА:

Вы что — принимаете меня за барышню при баре?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Барбарышня.

КУЗНЕЦОВ:

Не хотите — не надо. *(Таубендорфу.)* Коля, значит, — до завтра. Не опаздывай.

МАРИАННА:

(Кузнецову.) Погодите. Сядемте за тот столик. Так и быть.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Огромный зал не вмещал грандиозного наплыва публики.

ОШИВЕНСКИЙ:

Знаете что, Федор Федорович, потушите, голубчик, большой свет. Только лишний расход. *(Он садится в плетеное кресло у стойки и без интереса просматривает газету. Потом задумывается, раза два зевает.)*

ТАУБЕНДОРФ:

(Подходит к столику на авансцене, у которого сели Марианна и Кузнецов.) Что прикажете? Вина, ликёру?

КУЗНЕЦОВ:

Все равно. Ну, скажем, шерри-бренди.

МАРИАННА:

Странно: мне Ольга Павловна никогда ничего не рассказывала про вас.

КУЗНЕЦОВ:

И хорошо делала. Вы завтра вечером свободны?

МАРИАННА:

А вам это очень интересно знать?

КУЗНЕЦОВ:

В таком случае я вас встречу ровно в десять часов, в холле гостиницы «Элизиум». И Люлю притащите. Я буду с Таубендорфом.

МАРИАННА:

Вы с ума сошли.

КУЗНЕЦОВ:

И мы вчетвером поедем в какое-нибудь резвое место.

МАРИАННА:

Нет, вы совершенно невероятный человек. Можно подумать, что вы меня и мою подругу знаете уже сто лет. Мне не нужно было пить этот ликёр. Когда я так устаю, мне не нужно пить ликёр. А я ужасно устала… Эти съемки… Моя роль — самая ответственная во всем фильме. Роль коммунистки. Адски трудная роль. Вы что, — давно в Берлине?

КУЗНЕЦОВ:

Около двух часов.

МАРИАННА:

И вот представьте себе, — я должна была сегодня восемнадцать раз, восемнадцать раз подряд проделать одну и ту же сцену. Это была, конечно, не моя вина. Виновата была Пиа Мора. Она, конечно, очень знаменитая, — но, между нами говоря, — если она играет героиню, то только потому, что… ну, одним словом, потому что она в хороших отношениях с Мозером. Я видела, как она злилась, что у меня выходит лучше…

КУЗНЕЦОВ:

(Таубендорфу, через плечо.) Коля, мы завтра все вместе едем кутить. Ладно?

ТАУБЕНДОРФ:

Как хочешь, Алеша. Я всегда готов.

КУЗНЕЦОВ:

Вот и хорошо. А теперь…

МАРИАННА:

Барон, найдите мою сумку, — я ее где-то у телефона посеяла.

ТАУБЕНДОРФ:

Слушаюсь.

КУЗНЕЦОВ:

А теперь я хочу вам сказать: вы мне очень нравитесь, — особенно ваши ноги.

ТАУБЕНДОРФ:

(Возвращается с сумкой.) Пожалуйте.

МАРИАННА:

Спасибо, милый барон. Пора идти. Здесь слишком романтическая атмосфера. Этот полусвет…

КУЗНЕЦОВ:

(Встает.) Я всегда любил полусвет. Пойдемте. Вы должны мне показать дорогу в пансион Браун.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

А ваша шляпа, господин Кузнецов?

КУЗНЕЦОВ:

Не употребляю. Эге, хозяин задрыхал. Не стану будить его. До свидания, Федор Федорович, — так вас, кажется, величать? Коля, с меня сколько?

ТАУБЕНДОРФ:

Полторы марки. Чаевые включены. До завтра,

Марианночка, до завтра, Алеша. В половине девятого.

КУЗНЕЦОВ:

А ты, солнце, не путай. Я сказал — в восемь.

Кузнецов и Марианна уходят.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

(Приподымает край оконной шторы, заглядывает.) Удивительная вещь — ноги.

ТАУБЕНДОРФ:

Тише, не разбудите старикана.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

По-моему, можно совсем потушить. И снять этот плакат. Вот уж напрасно я постарался. Цыган-ский хор.

ТАУБЕНДОРФ:

(Зевает.) Х-о-ор. Да, плохо дело. Никто, кажется, не придет. Давайте, что ли, в двадцать одно похлопаем…

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Что ж — это можно...

Они садятся у того же столика, где сидели Кузнецов и Марианна, и начинают играть. Ошивенский спит. Темновато.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ II

Комната. Налево окно во двор. В задней стене дверь в коридор. В левом углу зеленого цвета кушетка, на ней зеленая яйцевидная подушка; рядом столик с круглой лампой. У правой стены за зеленой ширмой постель: видна зрителю только металлическая шишка изножья. Посредине круглый стол под кружевной скатереткой. Подле него в кресле сидит Ольга Павловна Кузнецова и вышивает шелковую сорочку. Она в очень простом темном платье, не совсем модном: оно просторнее и дольше, чем носят теперь; лицо молодое, мягкое; в нежных чертах и в гладкой прическе есть что-то девичье. Комната — обыкновенная комната обыкновенного берлинского пансиона, с потугами на буржуазное благополучие, с псевдо-персидским ковром, с двумя зеркалами: одно в дверце пузатого шкапа у правой стены, другое — овальное — на задней стене; во всем какая-то неприятная пухлявая круглота, в креслах, в зеленом абажуре, в очертаньях ширмы, словно комната развилась по концентрическим кругам, которые застыли там — пуфом, тут

— огромной тарелкой, прилепившейся к пионистой обойной бумаге и родившей, как водяной круг, еще несколько штук помельче по всей задней стене. Окно полуоткрыто — весна, светло; время — послеобеденное. За окном слышны звуки очень плохой скрипки. Вышивая, Ольга Павловна прислушивается, улыбается. Скрипка последний раз потянулась, всхлипнула и умолкла. Пауза. Затем за дверью голос Кузнецова: «Wo ist mein Frau?» и сердитый голос горничной: «Da — nächste Tur».[2]

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(Все бросает, бежит к двери, открывает ее.) Алеша, я здесь. Иди сюда.

КУЗНЕЦОВ:

(Входит, через руку перекинут макинтош.) Здравствуй. Что за манера сидеть в чужой комнате?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Марианна ничего не имеет против. А у меня в комнате убирают — я поздно встала. Клади

---

[2] Сноски: 1.2
«Где моя госпожа?» — «Там — следующая дверь» *(нем.).*

пальто.

КУЗНЕЦОВ:

А она сама-то где?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Право не знаю. Ушла куда-то. Не знаю. Алеша, уже прошло четыре дня, а я прямо не могу привыкнуть к тому, что ты в Берлине, что ты ко мне приходишь —

КУЗНЕЦОВ:

(Прогуливается, поднимает со столика снимок в рамке.) Тут жарко и скверно пахнет духами. Кто этот субъект?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

— что не нужно ждать от тебя писем, думать о том, где ты, жив ли…

КУЗНЕЦОВ:

Это кто, ее муж, что ли?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Да, кажется. Я его не знаю. Садись куда-нибудь. Ты не можешь себе представить, какою Россия кажется мне огромной, когда ты туда уезжаешь. *(Смеется.)*

КУЗНЕЦОВ:

Глупости какие. Я, собственно говоря, зашел только на минуту. У меня еще уйма дел.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ну, посиди немножечко, пожалуйста…

КУЗНЕЦОВ:

Я попозже зайду к тебе опять. И прилягу.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Десять минут можешь остаться… Я хочу тебе что-то сказать. Что-то очень смешное. Но мне как-то неловко сказать, может быть, потому что я тебе сразу не сказала, когда ты приехал…

КУЗНЕЦОВ:

(Сел.) В чем дело?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

В понедельник, около девяти — в день твоего приезда, значит, — я шла домой и видела, как ты прокатил с чемоданами на автомобиле. Я, значит, знала, что ты в Берлине, и знала, что тебе неизвестен мой адрес. Я была ужасно счастлива, что ты приехал, и вместе с тем было мучительно. Я побежала на ту улицу, где я прежде жила, там швейцар мне сказал, что ты только что заезжал, что он не знал куда тебя направить. Я столько раз меняла жилье с тех пор. Это все ужасно глупо вышло. И потом я вернулась домой, забыла в трамвае пакет, — и стала ждать. Я знала, что через Таубендорфа ты сразу найдешь меня. Но очень было трудно ждать. Ты пришел только после десяти —

КУЗНЕЦОВ:

Слушай, Оля —

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

И сразу ушел. И с тех пор только раз был у меня, и то на минутку.

КУЗНЕЦОВ:

Слушай, Оля, когда я решил, что нам лучше не жить вместе, ты со мной согласилась, и сказала, что и ты не чувствуешь больше любви. Когда же ты так говоришь, как сейчас, мне начинает казаться — нет, дай мне сказать — мне начинает казаться, что ты не прочь возобновить эту любовь. Мне было бы очень неприятно, если оказалось бы, что все-таки, несмотря на наше решение, ты относишься ко мне иначе, чем я к тебе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я сегодня не могу об этом говорить. Не надо. Я думала тебя рассмешить историей с пакетом.

КУЗНЕЦОВ:

Нет, я хочу выяснить…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Сегодня вышел такой день… Но все равно ты массу вещей не можешь понять. Ну, представь себе, что скверная скрипка под окном играла — ну, только что, скажем, до твоего прихода, — это на самом деле не так, потому что если бы она и играла даже, то мне было бы все равно… Не смотри на меня так. Я тебе говорю, мне было бы все равно. Я тебя не люблю. Никакой скрипки не было.

КУЗНЕЦОВ:

Я не понимаю, о чем ты говоришь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Нет, ты и не можешь понять.

КУЗНЕЦОВ:

(Встает.) Знаешь, я лучше пойду…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Два года тому назад, когда мы здесь в Берлине жили вместе, была какая-то глупая, глупая пе-

сенка, танец какой-то, мальчишки на улице высвистывали ее и шарманки играли. Если бы ты сейчас услышал бы именно ту песенку, ты бы даже ее не узнал…

КУЗНЕЦОВ:

Это все очень досадно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Перестань. Я не могу, когда ты так сердишься. У тебя делаются желтые глаза. Я же ничего не сказала. Я сегодня просто нервна. Не надо. Ты… ты доволен своим отелем?

КУЗНЕЦОВ:

Знаешь, вышла бы ты опять замуж.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Да-да, я выйду, я все сделаю, что хочешь. Ну вот, хочешь, поклянусь, что я тебя не люблю? Я тебя не люблю! Слышишь?

КУЗНЕЦОВ:

Да, слышу. Но мне все-таки неприятно, что у нас вышел этот разговор. У меня сейчас просто нет времени, чтобы работать душой. А такие разговоры заставляют работать душой. Я тебе скажу, мне совершенно нестерпима мысль, что кто-нибудь может думать обо мне с любовью, с тоской, с заботой. Это мне мешает.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ты прав, Алеша, ты прав. Я тебе не хочу мешать. Ну вот, все кончено… Ничего и не было. Знаешь, за мной Таубендорф как будто немножечко ухаживает. *(Смеется.)* Он мне очень нравится. Правда, очень нравится.

КУЗНЕЦОВ:

Я не совсем им доволен. Он глуповат. С этой своею романтикой он только воду возит. Ну-с, мне пора.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Алеша, ты когда-нибудь думаешь о том, что

ты… что тебя… ну, одним словом, об опасности?

КУЗНЕЦОВ:

Думают только индейские петухи и китайский император. Я зайду через полчаса. *(Идет к двери.)*

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(Вдогонку.) Надень пальто, свежевато.

После ухода Кузнецова Ольга Павловна остается стоять у стола, водит пальцем по узорам скатерти. Потом ходит по комнате, видно, что сдерживает слезы. Услышав за дверью шаги, садится на прежнее место, берется за рукоделье. Не стуча, входит Марианна. Она очень нарядна.

МАРИАННА:

(С разбегу.) Я вашего мужа встретила на улице. Сколько ему лет? *(Смотрит мельком на рукоделье.)* Ах, это очень мило. Сколько ему лет?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Тридцать два. Почему вы спрашиваете?

МАРИАННА:

(Снимает пальто, шляпу, трясет волосами. Она блондинка — с помощью перекиси водорода.) Я никогда ничего подобного не видела. Там на улице такое страшное движенье, автомобиль на автомобиле, полицейский ручками всякие фигуры выделывает, пешеходы жмутся, ждут, чтобы он задержал движенье, — а ваш муж, как ни в чем не бывало, взял да и прошел! Напрямик. Автомобили рычат на него, полицейский застыл от удивленья в позе Нижинского{7}, — а он: ноль вниманья. Напрямик. Ведь он на вид такой тихий… Тут что, ажур будет или кружевце?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Кружевце.

{7} Комментарии: 2.7

…в позе Нижинского… — В. Ф. Нижинский (1889 или 1890–1950), русский артист балета, балетмейстер. Его последнее публичное выступление состоялось в 1919 г. Экспериментальная техника Нижинского вызывала недоумение у публики — кукольные позы в балете «Петрушка» (1911) на музыку И. Стравинского, угловатые позы фавна в «Послеполуденном отдыхе фавна» (1912) на музыку К. Дебюсси, где был всего один прыжок и никакой виртуозной балетной техники.

МАРИАННА:

Я так рада, сегодня съемки не было. И мне Мозер ужасно надоел. Так пристает, так пристает! Другая, конечно, воспользовалась бы этим, чтобы сделать карьеру. Но я не могу. Я не знаю, поймете ли вы меня, милая: для меня искусство — это выше всего. Искусство — святое. Вот такая, как Пиа Мора, которая из рук в руки переходит, может там с Мозером на автомобиле кататься. А я не могу. Меня ничего в жизни не интересует, кроме искусства. Ничего. Но как я устаю! У меня самая ответственная роль, весь фильм держится на мне. Представляю, какое мне будет наслажденье все это потом увидеть на экране. Господи, да что с вами, миленькая, что такое? Ольга Павловна! Что вы плачете, что случилось, Ольга Павловна?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Не обращайте вниманья… Это ничего… Это сейчас пройдет… *(Она плачет, вытирая глаза пальцами, по-детски.)*

МАРИАННА:

Да в чем дело? Какие-нибудь неприятности? Скажите же, миленькая.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Дайте мне платочек.

МАРИАННА:

Он не совсем чистый. Я вам дам другой.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ничего, ничего… Ну вот, прошло… Я просто дурно спала.

МАРИАННА:

Хотите, я сбегаю за какими-нибудь каплями?.. Ах, подождите, у меня тут есть валерьянка.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Не надо. Спасибо, Марианна Сергеевна. Правда, не надо. Все уже прошло.

МАРИАННА:

Ах, вы опять плачете. Как это нехорошо. Вот. Выпейте. Медленно. Теперь сидите спокойно. О чем-нибудь поговорим.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

О чем-нибудь поговорим. *(Сморкается и смеется.)*

МАРИАННА:

Вот. Я вас давно хотела спросить. Чем, собственно говоря, занимается Алексей Матвеевич?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я точно не знаю. *(Смеется.)* Ваш платочек совсем промок, смотрите. У него всякие коммерческие дела.

МАРИАННА:

Вам, может быть, будет неприятно: вы как-никак с ним остались, кажется, в дружеских отношениях, но я все-таки хочу вас спросить… Он

не большевик?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Вы очень не любите большевиков, Марианна Сергеевна?

МАРИАННА:

Я их презираю. Искусство выше политики… Но они унижают искусство, они жгут чудные русские усадьбы. Ольга Павловна, неужели ваш муж?..

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Меня его личная жизнь не касается. Я ничего не хочу знать.

МАРИАННА:

(Живо.) И он вам вообще ничего — ничего — не говорит?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ничего.

МАРИАННА:

А-а. *(Короткая пауза.)* А у меня есть очень сильные подозрения. Представьте себе, Ошивенский рассказывает, что он третьего дня видел Алексея Матвеевича сидящим в кафе с известным чекистом из полпредства. Они очень дружески беседовали. Ошивенский и Евгения Васильевна страшно возмущены.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Они как раз собирались ко мне сегодня. Мне эта дама не особенно нравится, не знаю, зачем она ко мне ходит. А он — славный старик, и очень его жалко.

МАРИАННА:

Но все-таки это ужасно, если это правда.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

У вас, кажется, в вашей фильме показывают большевиков?

МАРИАННА:

Ах, это замечательный фильм! Сейчас еще, конечно, трудно говорить о фабуле, так как, знаете, снимают по кусочкам. Я точно знаю только свою собственную роль. Но сюжет, в общем, из русской революции. Ну и, конечно, с этим сплетается любовная интрига. Очень, кажется, захватывающе, шпанненд.[3] Героя играет Харри Джой. Он — душка.

Стук в дверь. Входит Кузнецов.

КУЗНЕЦОВ:

Ты, Оля, все еще в этой комнате…

МАРИАННА:

Ах, Алексей Матвеевич, мне только приятно —

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Как ты скоро вернулся!

---

[3] Сноски: 1.3
Увлекательно *(нем.).*

КУЗНЕЦОВ:

Да. *(К Марианне.)* А вы, матушка, должны меня научить танцевать.

МАРИАННА:

Можно? Хотите сейчас?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(Оживилась, лицо ясное.) Что с тобой, Алеша? Ты так весел!

МАРИАННА:

Я сейчас попрошу у хозяйки граммофон. *(Выбегает.)*

КУЗНЕЦОВ:

Оля, дело вышло. Я получаю даже больше, чем ожидал. Через десять дней я поеду обратно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Но ты будешь осторожен, да?

КУЗНЕЦОВ:

При чем тут осторожность? Я говорю о монете.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я этот раз особенно боюсь. Но я рада за тебя. Я, правда, очень рада.

КУЗНЕЦОВ:

Вот и хорошо.

Вбегает обратно Марианна.

МАРИАННА:

Хозяйка сегодня не в духах: говорит, что граммофон испорчен.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ну, ничего, в другой раз.

МАРИАННА:

Я сказала горничной подать кофе. Она тоже, кажется, не в духах.

Стук в дверь, голос горничной: Besuch für Frau Kuznetsoff[4]*.*

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Фюр мих?[5] *(Выходит.)*

МАРИАННА:

Ну, целуй меня. Скорей!

КУЗНЕЦОВ:

Нет, уж пожалуйста, не торопите меня.

МАРИАННА:

Почему «вы»? Почему всегда «вы»? Когда ты научишься говорить мне «ты»? Ты поцеловать меня не хочешь? Алек!

КУЗНЕЦОВ:

Отчего же, можно…

---

[4] Сноски: 1.4
Гости к госпоже Кузнецовой *(нем.).*

[5] Сноски: 1.5
Ко мне? *(нем.)*

МАРИАННА:

Нет, теперь я не хочу.

КУЗНЕЦОВ:

Да, все забываю вам сказать: вы бы вовсе не душились.

МАРИАННА:

Это чудные духи. Ты ничего не понимаешь. Убиган.[6]

КУЗНЕЦОВ:

(Напевает.) А мой милый хулиган подарил мне Убиган… Это ваш муж — на столике?

МАРИАННА:

Нет. Бывший поклонник. Ты ревнуешь?

---

[6] Сноски: 1.6

Убиган — модные в 20-е годы прошлого века духи от французского парфюмерного дома Hubigant.

КУЗНЕЦОВ:

Хотите, Марианна Сергеевна, знать правду?

МАРИАННА:

Да, конечно.

КУЗНЕЦОВ:

Так вот: я не ревную вовсе. *(Снова смотрит на карточку.)* Знакомое лицо.

МАРИАННА:

Его расстреляли в прошлом году. В Москве. *(Пауза.)* И почему ты меня называешь по имени-отчеству? Это, наконец, невыносимо! Алек, проснись!

КУЗНЕЦОВ:

Невыносимо? Более выносимо, чем «Алек».

МАРИАННА:

(Садится к нему на ручку кресла и меняет тон.) Ты ужасно странный человек. У меня еще нико-

гда не было такого странного романа. Я даже не понимаю, как это случилось. Наше знакомство в подвале. Потом этот пьяный безумный вечер с бароном и Люлей… Всего четыре дня — а как это кажется давно, не правда ли? Я не понимаю, почему я тебя люблю… Ведь ты замухрышка. Но я тебя люблю. У тебя масса шарма. Я люблю тебя целовать вот сюда… и сюда…

КУЗНЕЦОВ:

Вы мне обещали кофе.

МАРИАННА:

Сейчас будет, мой милый, сейчас будет. Как ты думаешь, если б твоя жена… Ах, скажи, ты не большевик?

КУЗНЕЦОВ:

Большевик, матушка, большевик.

МАРИАННА:

Оставь, ты все шутишь со мной. Это странно. Ты совершенно не ценишь, что такая утонченная женщина, как я, увлеклась именно тобой. Ты

не думай, это не любовь, это только увлечение. Когда мне надоедает любовник, я бросаю его, как увядший цветок. Но сегодня ты мой, ты можешь меня любить сегодня. Отчего ты молчишь?

КУЗНЕЦОВ:

Забыл реплику.

МАРИАННА:

Несносный какой! Ты… ты… Я просто не знаю, кто ты. Ты ничего не хочешь рассказать про себя. Погоди, постой же… Милый мой… Слушай, Алек, почему ты не хочешь, чтобы я переехала к тебе в отель? Ведь мы и так встречаемся только там. Алек?

КУЗНЕЦОВ:

Давайте-ка, Марианна Сергеевна, условимся раз навсегда: никаких вопросов.

МАРИАННА:

Ну не буду, не буду. Только я не понимаю — почему?

Голоса за дверью. Затем Ольга Павловна вводит Евгению Васильевну Ошивенскую, сзади следует сам Ошивенский. Евгения Васильевна старая дама, полная, вся в черном, глаза немного навыкате.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Тут хотят к вам перекочевать, Марианна Сергеевна.

ОШИВЕНСКИЙ:

Мы только взглянуть на вас. Ручку пожалуйте.

ОШИВЕНСКАЯ:

Очень вам к личику это платьице, Марианночка.

МАРИАННА:

Вот это — муж Ольги Павловны…

ОШИВЕНСКИЙ:

(Сухо.) Честь имею.

МАРИАННА:

Да что я… Вы ведь, кажется, уже знакомы. Садитесь, дорогая Евгения Васильевна. Вот сюда. Ольга Павловна, вы не хотите похозяйничать за меня? Я так плохо хозяйничаю. Садитесь, пожалуйста, господа.

Тем временем вошла горничная с подносом. На подносе кофейник и чашки. Ставит («bitte…»[7]*) и уходит.*

ОШИВЕНСКАЯ:

(Марианне.) Как вы поживаете, душенька? Все фотографией занимаетесь?

ОШИВЕНСКИЙ:

Ах, Женя, как ты всегда путаешь! Это называется: съемки. Кинематографические съемки.

ОШИВЕНСКАЯ:

Коммунистов, говорят, изображаете?

---

[7] Сноски: 1.7
«Пожалуйста…» *(нем.).*

МАРИАННА:

Возьмите же пирога! Ольга Павловна, разрежьте. Да, это очень интересный фильм. Конечно, о нем трудно еще судить, так как он снимается (пожалуйста…) по кусочкам.

ОШИВЕНСКИЙ:

Спасибо, кусочек, так и быть, возьму. *(Он поглядывает на Кузнецова, который с чашкой отошел к кушетке в левом углу.)* И зачем этих мерзавцев изображать!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Виктор Иванович, как поживает ваш кабачок?

ОШИВЕНСКИЙ:

А вы, Ольга Павловна, зачем разговор меняете? Я повторяю: этих господ нужно душить, а не выводить на сцену.

ОШИВЕНСКАЯ:

Я бы Троцкого своими руками задушила.

МАРИАННА:

Конечно, искусство выше политики, но они все осквернили — красоту, поэзию жизни…

ОШИВЕНСКАЯ:

У них, говорят, какой-то великий поэт есть — Блок или Блох, я уж там не знаю. Жидовский футурист{8}. Так вот они утверждают, что этот Блох выше Пушкина-и-Лермонтова. *(Произносит как «Малинин и Буренин»{9}.)*

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Господь с вами, Евгения Васильевна. Александр Блок давно умер. А главное —

{8} Комментарии: 2.8

…Блок или Блох… Жидовский футурист. — Ср. в рассказе «Адмиралтейская Игла» (1933): «В среде — пускай светской, — к которой Катя принадлежала, вкусы были по меньшей мере отсталые. Чехов считался декадентом, К. Р. — крупным поэтом, Блок — вредным евреем, пишущим футуристические сонеты…» (Н3.[19] С. 623). В 1927–1928 гг. Набоков рецензировал стихи двух эмигрантских поэтов, носящих фамилию Блох (Н2.[20] С. 649; 653–654).

{9} Комментарии: 2.9

Малинин и Буренин. — Имеются в виду А. Ф. Малинин (1834–1888) и К. П. Буренин (ум. в 1882), соавторы гимназических учебников по разным разделам физико-математических знаний («Собрание арифметических задач», «Физика» и др.), выдержавших множество переизданий и отличавшихся неясностью изложения, неточностью и

расплывчатостью определений. В шутливом контексте упоминаются в рассказе Набокова «Подлец» (1927).

[19] Сноски: 1.19

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3.

[20] Сноски: 1.20

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 2.

ОШИВЕНСКАЯ:

(Спокойно плывет дальше.) Да в том-то и дело, голубушка, что он жив. Это нарочно врут. Вот, как врали про Ленина. Было несколько Лениных. Настоящего убили в самом начале.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Все поглядывая налево.) От этих мерзавцев всего можно ожидать. Простите… Ольга Павловна, как имя-отчество вашего…

КУЗНЕЦОВ:

Алексей Матвеич. К вашим услугам.

ОШИВЕНСКИЙ:

Я хотел вас спросить, Алексей Матвеич, отчего это вы улыбаетесь?

КУЗНЕЦОВ:

Из вежливости. Вы все время косите на меня.

ОШИВЕНСКИЙ:

Вам, кажется, эмигрантские разговоры не по нутру. А вот попробовали бы, батюшка —

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(Ошивенскому.) Можно вам еще кофе?

ОШИВЕНСКИЙ:

— вот попробовали бы пожить, как мы живем. Сами бы заговорили по-эмигрантски. Возьмите меня, например. Я — старый человек. У меня все отняли. Сына убили. Я восьмой год мытарствую заграницей. И теперь я не знаю, что будет дальше. У нас совсем другая психология, чем у вас.

КУЗНЕЦОВ:

(Смеется.) Да что это вы в самом деле так на меня напали?

ОШИВЕНСКАЯ:

Марианночка, нам, к сожалению, скоро нужно уходить. *(Скороговоркой, вполголоса.)* Простите,

mais je ne peux pas supporter la compagnie d'un bolchevik.[8]

ОШИВЕНСКИЙ:

Нет, я не нападаю, но просто иногда трудно сдержаться. Может быть в Варшаве другое настроение, чем здесь. Вы ведь в Варшаве были?

КУЗНЕЦОВ:

Проездом. Я вам уже отвечал на этот вопрос.

ОШИВЕНСКИЙ:

И что ж, вы долго здесь намерены прожить?

КУЗНЕЦОВ:

Нет, скоро отбуду.

ОШИВЕНСКИЙ:

И куда же?

---

[8] Сноски: 1.8
...я не хочу оставаться в компании этого большевика *(фр.).*

КУЗНЕЦОВ:

Как куда? В Триэсэр, конечно.

Молчание.

ОШИВЕНСКАЯ:

М-сье Кузнецов, вы были бы, может быть, так добры взять посылочку? У меня внучка в Петербурге.

ОШИВЕНСКИЙ:

Женя!

КУЗНЕЦОВ:

Если посылка небольшая, возьму.

ОШИВЕНСКИЙ:

А позвольте вас спросить, как это вас так пускают в Россию?

КУЗНЕЦОВ:

А почему же меня не пускать?

МАРИАННА:

Алексей Матвеич, бросьте шутить. Можно Бог знает что подумать!

КУЗНЕЦОВ:

Если анкета кончена, разрешите откланяться. Я, Оля, хотел бы у тебя в комнате прилечь на часок: у меня еще вечером дело.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Постой, я там тебе устрою…

ОШИВЕНСКИЙ:

Однако![{10}]

ОШИВЕНСКАЯ:

Я это предчувствовала. Бедная Ольга Павловна… Теперь я многое понимаю…

{10} Комментарии: 2.10

Однако! — Этим восклицанием Ошивенского, вероятно, первоначально должно было оканчиваться второе действие: далее в Рукописи следует одна страница дописанного от руки текста до слова «Занавес».

ОШИВЕНСКИЙ:

И она тоже хороша… Если уж разошлась с мужем, так не видайся, не сюсюкайся с ним. Я ему руки больше не подам, вот честное слово — не подам.

МАРИАННА:

Виктор Иванович, вы не правы; уверяю вас, что Алексей Матвеевич только шутил. Вы погорячились.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Медленно успокаиваясь.) Нет, я ненавижу таких господ. Можно мне еще кофе? *(Марианна наклоняет кофейник.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ III

Очень голое помещение — вестибюль, нечто вроде зачаточного фойе. В аспидный цвет выкрашенная стена идет справа вдоль по авансцене и, оборвавшись посредине сцены, уходит под перспективным углом вглубь, где видна дверь, ведущая в концертно-лекционный зал. Справа, у самого края сцены, ступени вправо и вниз, медные перила. У стены, против зрителя, красный плюшевый диванчик. У левого края сцены, спереди, стол, служащий кассой, и простой стул. Таким образом, человек, пришедший на лекцию, поднимается справа по ступеням, проходит справа налево, мимо аспидной стены, оживленной красным диванчиком, и либо переходит сцену до самого левого края к столу, где продаются билеты, либо, дойдя до середины сцены, где стена обрывается, поворачивает в глубину и там уходит в дверь, ведущую в зал. На левой стене надпись: «Toilette»[9] *и красный конус минимакса над свернутой кишкой. У стола сидит Люля, шустрая барышня, миловидная, с косметическими примечаниями,*

---

[9] Сноски: 1.9
«Уборная» *(фр.).*

и рядом с ней сидит Таубендорф. Проходят через сцену в глубину несколько человек (типичных эмигрантов), ударяет звонок, бессвязный шум голосов, сцена пустеет. Все ушли в заднюю дверь, остались только Люля и Таубендорф.

ЛЮЛЯ:

Давайте сосчитаем, сколько билетов продано. Погодите, мы так сделаем —

ТАУБЕНДОРФ:

Кажется — немного. А почему эти деньги отдельно лежат?

ЛЮЛЯ:

— восемнадцать — не мешайте — восемнадцать с полтиной, девятнадцать —

ТАУБЕНДОРФ:

Ах, сколько уж раз я проделал все это!.. Мне везет: как только устраивается какая-нибудь лекция, или концерт, или бал, меня непременно приглашают распорядителем. У меня даже установилась определенная такса: за бал — чет-

вертной билет.

ЛЮЛЯ:

Ну вот, я спуталась!.. Тцц! Все сначала.

ТАУБЕНДОРФ:

Лекции, дурацкие доклады, благотворительные балы, годовщины, — сколько их уже было! Я тоже, Люля, спутался. Вот сейчас кто-то что-то читает, а кто и что — мне, собственно говоря, наплевать с высокого дерева. А может быть это вовсе и не лекция, а концерт, или какой-нибудь длинногривый кретин читает стихи. Послушаете, Люля, давайте я за вас сосчитаю.

ЛЮЛЯ:

Вы ужасно странно говорите, Николай Карлович. Сегодня как раз очень должно быть интересно. И масса знакомых. Эта пятимарковка совсем рваная.

ТАУБЕНДОРФ:

И все те же люди. Тот же профессор Волков, барышни Фельдман, журналисты, присяжные

поверенные… Всех, всех знаю в лицо…

ЛЮЛЯ:

(Пудрится.) Ну, если вы будете такой добренький и сосчитаете, то я пойду в залу — мне очень интересно. Можно вам нос напудрить?

ТАУБЕНДОРФ:

Покорно благодарю. Кстати, не забудьте: завтра последняя съемка. Идите, идите, я тут все сделаю.

ЛЮЛЯ:

Вы очаровательны!

Уходит в заднюю дверь. Таубендорф садится у стола, считает деньги. Справа входит в пальто и шляпе Ольга Павловна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Алеша здесь?

ТАУБЕНДОРФ:

Вот неожиданная гостья!.. Нет, я его не видал.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Странно.

ТАУБЕНДОРФ:

Да и он никогда бы не пошел на такой дивертисмент.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ведь тут какая-то лекция? Он в четверг мне сказал, что намерен пойти.

ТАУБЕНДОРФ:

Право, не знаю. Я его вчера встретил на улице. Он ничего не говорил об этом.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Значит, я напрасно пришла.

ТАУБЕНДОРФ:

Мне кажется, его не могут интересовать эмигрантские лекции. Впрочем, только сейчас началось. Он, может быть, еще придет.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Разве что… Давайте, сядем куда-нибудь.

Они садятся на красный диванчик.

ТАУБЕНДОРФ:

Я не понимаю, неужели Алеша не бывал у вас эти дни?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Последний раз он был у меня, когда приходили Ошивенские — значит, в четверг. А сегодня — воскресенье. Я знаю, что он очень занят и все такое. Но я как-то волнуюсь, я очень нервна эти дни. Меня, конечно, волнует не то именно, что он ко мне не приходит, а вот его дело… Хорошо ли все идет, Николай Карлович?

ТАУБЕНДОРФ:

Чудесно. У меня иногда прямо голова кружится, когда я думаю о том, что происходит.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Но ведь коммунисты умные, ведь у них есть шпионы, провокаторы… Алексей Матвеевич может попасться каждую минуту —

ТАУБЕНДОРФ:

В том то и дело, что они не особенно умные{11}.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я хотела бы жить так: в пятидесятых годах прошлого века, где-нибудь в Глухове или Миргороде. Мне делается так страшно и так грустно.

ТАУБЕНДОРФ:

Ольга Павловна, вы помните наш последний разговор?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Это какой? До приезда Алексея Матвеевича?

{11} Комментарии: 2.11

…не особенно умные. — Далее в Рукописи следует фраза, вычеркнутая Набоковым: «Да и вообще, этого не может быть, история, так сказать, не допустит…»

ТАУБЕНДОРФ:

Да, я говорил вам — вы, может быть, помните — что когда вам грустно и страшно, как вы сейчас изволили сказать, то я говорил вам, что вот в такие минуты я готов… словом, я готов все сделать для вас.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Помню. Спасибо, милый. Но только —

ТАУБЕНДОРФ:

(Встает и ходит по сцене.) Нет такой вещи… Я вас знаю уже три года. Я был вашим шафером — помните? — в Тегельской церковке. Потом, когда вы разошлись, когда вы разлюбили мужа — и остались одни, — я уже тогда хотел вам многое сказать. Но у меня сильная воля. Я решил, что не буду спешить. Три раза Алеша уезжал в Россию, я вас навещал — не очень часто, не правда ли? Нарочно. Мне казалось — ну, мало ли что, — что вы, может быть, кого-нибудь другого… или что перед Алешей… ну, нехорошо как-то. Но теперь я понял…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Николай Карлович, ради Бога, не надо…

ТАУБЕНДОРФ:

Теперь я понял, что дольше ждать не нужно, — я понял, что Алеша и вы совершенно, совершенно друг другу чужие. Он все равно не может вас понять. Я это не ставлю ему в вину, — вы понимаете, я не имею права не только осуждать его, но даже разбирать его поступки. Он изумительный, он что-то совсем особенное… Но — он променял вас на Россию. У него просто не может быть других интересов. И поэтому я не виноват перед ним.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я не знаю, Николай Карлович, должны ли вы говорить мне все это.

ТАУБЕНДОРФ:

(Опять садится.) Конечно, должен. Молчать — прямо невозможно. Слушайте: я у вас ничего не прошу. То есть, это глупости, — я очень даже прошу. Может быть, если постараться, подна-

тужиться, можно заставить себя — ну хотя бы заметить человека?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Постойте же… Тут происходит недоразуменье.

ТАУБЕНДОРФ:

Нет, нет! Я все знаю, что вы скажете. Я знаю, что я для вас просто Николай Карлович, — и никаких испанцев! Но ведь вы вообще никого не замечаете. Вы тоже живете только мечтой о России. А я так не могу… Я бы для вас все бросил… Мне черт знает как хочется перебраться туда, но для вас я бы остался, я бы все для вас сделал…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ну, постойте. Успокойтесь. Дайте мне вашу руку. Ну, успокойтесь. У вас даже лоб вспотел. Я хочу вам сказать что-то совсем другое.

ТАУБЕНДОРФ:

Но почему? Почему? Вам со мной никогда не было бы грустно. Ведь вам грустно только потому, что вы одна. Я бы вас окружил… вы — мое

упоенье…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я скажу вам то, чего никогда никому не говорила. Вот. Вы… вы немного ошиблись. Я вам скажу правду. Меня Россия сейчас не интересует, то есть интересует, но совсем не так страстно. Дело в том, что я никогда не разлюбила моего мужа.

Молчание.

ТАУБЕНДОРФ:

Да. Да, это совершенно все меняет.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Никто не знает этого. Он сам не знает.

ТАУБЕНДОРФ:

Да, конечно.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Он для меня вовсе не вождь, не герой, как для вас, а просто… просто я люблю его, его манеру говорить, ходить, поднимать брови, когда ему

что-нибудь смешно. Мне иногда хотелось бы так устроить, чтобы его поймали и навсегда засадили бы в тюрьму, и чтобы я могла быть с ним в этой тюрьме.

ТАУБЕНДОРФ:

Он бежал бы.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Вы сейчас хотите мне сделать больно. Да, он бежал бы. Это и есть мое горе. Но я ничего не могу поделать с собой.

ТАУБЕНДОРФ:

Тринадцать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Простите?

ТАУБЕНДОРФ:

Я только что деньги считал, и когда вы вошли было тринадцать: несчастное число.

Молчание.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

А всего много набрали?

ТАУБЕНДОРФ:

Нет, кажется немного. Едва-едва окупится зал. Не все ли равно?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Николай Карлович, вы, конечно, понимаете, что Алеша не должен знать то, что я вам сказала. Не говорите с ним обо мне.

ТАУБЕНДОРФ:

Я все понял, Ольга Павловна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Я думаю, что он уже не придет.

Оба встают.

ТАУБЕНДОРФ:

Мы условились с ним встретиться завтра утром

на съемке. Это ужасно глупое место для деловой встречи, но иначе никак нельзя было устроить. Передать ему что-нибудь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Нет, ничего. Я уверена, что он и так ко мне завтра заглянет. А теперь я пойду.

ТАУБЕНДОРФ:

Пожалуйста, простите меня за… разговор. Я ведь не знал.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Да. Вероятно, я сама виновата, что так вышло. Ну, до свидания.

ТАУБЕНДОРФ:

Я, Ольга Павловна, преклоняюсь перед вами. Вы просто чудесный человек. Алеша не понимает.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ах, Николай Карлович, ну, право, не будем больше об этом говорить… Я же не китайский

язык, который можно понимать и не понимать. Поверьте, во мне никакой загадочности нет.

ТАУБЕНДОРФ:

Я не хотел вас рассердить. Ольга Павловна. Вот я как-нибудь взбунтуюсь, тогда посмотрим… *(Смеется.)* Ох, как взбунтуюсь!..

Она уходит. Таубендорф возвращается к столу, садится. В зале — за сценой — гром аплодисментов.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ IV

Передняя кинематографического ателье. Справа, вдоль сцены, та же серая стена, как и в предыдущем действии. Левее — широкий проход, заставленный кинематографическими декорациями, что напоминает одновременно и приемную фотографа, и балаганные будни, и пестрые углы футуриста. (Среди этих углов очень заметны три купола — один побольше, другие поменьше — охряные луковицы лубочного храма. Тут же валяется балалайка и наполовину развернутая карта России.) В этих декорациях неровные лазейки и просветы (видны в глубине очертанья огромных ламп-юпитеров). Все это напоминает зрителю разноцветную складную картину, небрежно и не до конца составленную. Когда поднимается занавес, на авансцене толпятся русские эмигранты, только что пришедшие на съемку. Среди них — Люля. Быстро и упруго протискивается на сцену через декорации, загромождающие проход, Помощник режиссера — рыжий, с брюшком, без пиджака и жилета, — и сразу начинает очень громко говорить.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Гримироваться, господа, гримироваться! Дамы налево, мужчины направо. Что ж это Марианны до сих пор нет. Сказано было в девять часов…

Сцена пустеет. Затем двое голубых рабочих проносят лестницу. Голос Помощника режиссера (уже за сценой): «Курт, Курт! Во ист Курт? Манн мусс…»[10] *Голос теряется. Затем справа входят Марианна и Кузнецов.*

МАРИАННА:

(На ходу прижимает руки к вискам.) Это так возмутительно… Это так возмутительно с твоей стороны!..

КУЗНЕЦОВ:

…в жизни только одно бывает интересным: то, что можно предотвратить. Охота вам волноваться по поводу того, что неизбежно?

Оба остановились.

---

[10] Сноски: 1.10
Где Курт? Нужно… *(нем.)*

МАРИАННА:

Ты, значит, своего решения не изменишь?

КУЗНЕЦОВ:

(Осматривается.) Забавное место… Я еще никогда не бывал в кинематографической мастерской. *(Заглядывает за декорации.)* Какие здоровенные лампы!..

МАРИАННА:

Я, вероятно, до гроба тебя не пойму. Ты, значит, решил окончательно?

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

(Выбегает справа.) Да что же это вы, Марианночка! Так нельзя, так нельзя… Хуш[11] в уборную!

МАРИАННА:

Да-да, я сейчас.

---

[11] Сноски: 1.11
Здесь: быстренько *(нем.).*

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Не сейчас, а сию минуту. Курт! *(Убегает.)*

МАРИАННА:

Ты все же подумай… Пока я буду переодеваться, ты подумай. Слышишь?

КУЗНЕЦОВ:

Эх, Марианна Сергеевна, какая вы, право…

МАРИАННА:

Нет-нет, подожди меня здесь и подумай. *(Уходит направо. Слева выбегает Помощник режиссера.)*

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Пожалуйста, идите гримироваться. Ведь сказано было!

КУЗНЕЦОВ:

Спокойно. Я посторонний.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Но тут посторонним нельзя. Есть правила.

КУЗНЕЦОВ:

Пустяки.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Если господин Мозер —

КУЗНЕЦОВ:

Друг детства.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Ну, тогда все хорошо. Извиняюсь.

КУЗНЕЦОВ:

Фольклор у вас того, густоватый. Это что, купола?

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Да. Сегодня последняя съемка, сцена восстания.

Мы очень спешим, так как к субботе фильм должен быть уже склеен. Пардон, я должен бежать. *(Убегает.)*

КУЗНЕЦОВ:

Пожалуйста, пожалуйста. *(Прогуливается, поднимает и разворачивает огромную карту, на которой грубо изображена Россия. Улыбаясь, разглядывает ее. Входит справа Таубендорф. Из-под пальто видны смазные сапоги, в руках чемоданчик.)*

ТАУБЕНДОРФ:

А, ты уже здесь, Алеша. Как тебя впустили?

КУЗНЕЦОВ:

Очень было просто. Выдал себя за молочного брата какого-то Мозера. Тут Крым вышел совершенно правильным ромбом.

ТАУБЕНДОРФ:

Россия… Да. Вероятно мои коллеги уже гримируются. Но это ничего. Тут всегда тянут… тянут… Алеша, я все исполнил, что ты приказал. Вернер

уже уехал.

КУЗНЕЦОВ:

Ух, какая пылища! *(Бросает карту в угол. Она сама скатывается. Хлопками сбивает с рук пыль.)*

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, когда ты устроишь и мне паспорт?

КУЗНЕЦОВ:

Погодя. Я хотел тебя видеть вот почему: в субботу я возвращаюсь в Россию. Недели через две приедет сюда Демидов. Я тебя попрошу… Тут, однако, не очень удобно беседовать.

ТАУБЕНДОРФ:

Пройдем вон туда: там сзади есть пустая комната. Я заодно загримируюсь.

КУЗНЕЦОВ:

Э-ге! Ты в смазных сапогах…

Оба проходят налево. Через сцену пробегает

Помощник режиссер а и юркает за декорации. Рабочие проносят расписные ширмы. Загримированные статисты (в русских рубахах) и статистки (в платочках) выходят справа и слева и постепенно скрываются за декорациями. Помощник режиссера выбегает опять, в руке — огромный рупор.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Господа, поторопитесь, поторопитесь! Все в ателье! Как только будут готовы Гарри и Марианна, мы начнем.

ЛЮЛЯ:

(В платочке.) Гарри давно уже готов. Он пьет пиво в кантине.[12] *(Уходит с остальными.)*

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Он этим пивом испортит себе фигуру. *(Двум замешкавшимся статистам.)* Поторопитесь, господа!

Справа входит Марианна: резко загримиро-

---

[12] Сноски: 1.12
Столовой *(нем.).*

ванная, в папахе, револьвер за поясом, кожаная куртка, на папахе — звезда.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

(К Марианне.) Наконец-то!..

МАРИАННА:

Вы не видели… Тут был господин… с которым я приехала…

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Да что вы в самом деле!.. Ведь мы тут делом занимаемся, а не глупостями. Пожалуйте в ателье! *(Он убегает. Слева входит Кузнецов.)*

МАРИАННА:

Алек, тут такая суматоха… Мы так с тобой и не договоримся… Алек, ты передумал?

КУЗНЕЦОВ:

Я вас сразу не узнал. Хороши! Желтая, лиловая.

МАРИАННА:

Ах, так нужно. На экране получается совсем иначе… Алек!

КУЗНЕЦОВ:

И звезда на папахе. Кого это вы изображаете?

МАРИАННА:

Ты меня с ума сведешь!

Вбегает Помощник режиссера.

ПОМОШНИК РЕЖИССЕРА:

Съемка начинается! Господи, да идите же! Ведь уже в субботу все это должно быть на экране. Марианна! *(Орет в рупор прямо в нее.)* На съемку!!

МАРИАННА:

Вы отвратительный грубиян. Алек, умоляю, подожди меня… Я сейчас…

Марианна и Помощник режиссера уходят. Слева появляется Таубендорф: он с приклеенной

бородой, в русской рубахе и картузе.

ТАУБЕНДОРФ:

Ну вот я и готов.

КУЗНЕЦОВ:

Хорош, хорош. Там, кажется, уже началось. Ваш командир очень волнуется.

ТАУБЕНДОРФ:

Так всегда. Сперва будут бесконечные репетиции этой самой сцены восстания. Настоящая съемка начнется значительно позже. *(Закуривает.)* Алеша, мы обо всем поговорили? Больше ничего? *(Говоря, прислоняется к стене, на которой большой плакат: «Rauchen verboten!»*[13]*. Продолжает курить.)*

КУЗНЕЦОВ:

Больше ничего. Остальное ты сам знаешь.

---

[13] Сноски: 1.13
«Курить воспрещается!» *(нем.)*

ТАУБЕНДОРФ:

Остальное?

КУЗНЕЦОВ:

Да. Насчет Ольги Павловны. Ты заботься о ней, как и в прежние разы. Навещай ее изредка, да помогай ей, если что нужно.

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, я…

КУЗНЕЦОВ:

Что с тобой?

ТАУБЕНДОРФ:

(Очень сильно волнуясь.) Дело в том…

КУЗНЕЦОВ:

Валяй.

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, умоляю тебя, я хочу с тобой! Слышишь, я хочу с тобой![{12}] Тут я пропаду…

За сценой жужжанье юпитеров, затем голос Помощника режиссера в рупор.

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Господа, вы в России! На площади! Идет восстание! Группа первая машет флагами! Группа вторая бежит от баррикады налево! Группа третья двигается вперед!

КУЗНЕЦОВ:

Ты мне, брат, надоел. Я тебе уже все сказал.

ТАУБЕНДОРФ:

Я не смею спорить с тобой. Ты как, уходишь сейчас? Я тебя еще увижу?

{12} Комментарии: 2.12

…я хочу с тобой! Слышишь, я хочу с тобой! — В Рукописи реплика первоначально была иной: «…я хочу в Россию! Слышишь, я хочу в Россию! Туда, где опасность, туда, где ты, Алеша!»

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Ахтунг![14]

КУЗНЕЦОВ:

Нет, не думаю. Эти последние несколько дней у меня будет мало досуга. К Ольге Павловне зайду ненадолго сегодня, а потом уже только в субботу перед отъездом. Я хотел тебя еще спросить: ты что — будешь продолжать служить в кабаке?

ТАУБЕНДОРФ:

Да нет. Он завтра закрывается. И съемка сегодня тоже последняя. Я уж что-нибудь найду.

КУЗНЕЦОВ:

Ну-с, по-немецки — орех, по-гречески — надеж-

---

[14] Сноски: 1.14
Внимание! *(нем.)*

да{13}, — давай простимся. *(Целуются.)*

ТАУБЕНДОРФ:

Храни тебя Господь…

Когда Таубендорф уходит из двери{14}, Кузнецов выхватывает браунинг и целится в него{15}.

КУЗНЕЦОВ:

Стой!

ТАУБЕНДОРФ:

Алеша, ведь могут увидеть. *(Уходит.)*

{13} Комментарии: 2.13

Ну-с, по-немецки — орех, по-гречески — надежда… — Трехъязычная шарада, включающая русское междометие, немецкое Nuß (орех) и термин античной философии «нус», означающий, однако, не надежду, а разум, мысль, дух. Возможно, «нус» в значении «надежда» имеет здесь иносказательный смысл: в философии Аристотеля («перводвигатель») и христианской теологии (Бог как «нус»; «умная» природа ангелов) «нус» сближается с понятием Бога. Если так, то Кузнецов, прощаясь, попросту говорит: «Ну, с Богом» (на что намекает и следующая реплика Таубендорфа). В 1919 г. Набоковы покинули Россию на греческом судне «Надежда».

{14} Комментарии: 2.14

Когда Таубендорф уходит <…> Кладет его обратно в карман. — Более поздняя вставка на отдельной странице (обрамленная словами: «вставка в Четвертом действии» и «Выход Марианны»). Первоначально после слов Таубендорфа «Храни тебя Господь» следовало: «(Уходит за декорации.) Кузнецов (ему вослед с улыбкой). Хорош, хорош. Сапоги даже со скрипом».

{15} Комментарии: 2.15

Выхватывает браунинг и целится в него. — Как и многие другие русские эмигранты в Берлине в 20-х годах прошлого века, Набоков подрабатывал статистом на киносъемках. В одной из картин, куда его пригласили как обладателя смокинга, действие разворачивалось в театре, на сцене которого происходило убийство: «Помню, как я стоял в ложе бутафорского театра и хлопал, а на воображаемой сцене что-то происходило: «настоящее» убийство, которое театральная публика должна была принимать за сцену спектакля» (Б01. С. 242). Описание этих берлинских съемок вошло в роман «Машенька» (1926): «На экране было светящееся, сизое движение: примадонна, совершившая в жизни своей невольное убийство, вдруг вспоминала о нем, играя в опере роль преступницы, и, выкатив огромные неправдоподобные глаза, валилась навзничь на подмостки» (Н1.[21] С. 60).

[21] Сноски: 1.21

В. Набоков. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1.

КУЗНЕЦОВ:

Молодец… Не дрогнул… А ты, господин хороший, не подведи. *(Обращается к револьверу, целится в публику.)* Если что придется — не подведи. Детище мое, пистолетище… *(Кладет его обратно в карман.)*

Пробегает рабочий, уносит карту и балалайку. Кузнецов смотрит на часы. За сценой жужжанье ламп. Быстро входит Марианна. Скидывает папаху, встряхивает волосами.

КУЗНЕЦОВ:

Марианна Сергеевна, я, к сожалению, должен уходить.

МАРИАННА:

Алек!

КУЗНЕЦОВ:

Вы что, уже отыграли свою роль?

МАРИАННА:

Нет-нет… Я только сейчас начну. У меня сцена с героем. Но не в этом дело. Алек, ты все-таки решил в субботу ехать?

КУЗНЕЦОВ:

Да.

МАРИАННА:

Я не могу этому поверить. Я не могу поверить, что ты меня оставишь. Слушай, Алек, слушай… Я брошу сцену. Я забуду свой талант. Я уеду с тобой. Увези меня куда-нибудь. Будем жить где-нибудь на юге, в Ницце… Твои глупые коммерческие дела подождут. Со мной происходит что-то ужасное. Я уже заказала платья, светлые, чудные, для юга… Я думала… Нет, ведь ты не уедешь от меня! Я буду тебя ласкать. Ты ведь знаешь, как я умею ласкать. У нас будет вилла, полная цветов. Мы будем так счастливы… Ты увидишь…

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Все назад, все назад! Ни к черту не годится!

Слушать: когда я скажу «раз!», группа первая поднимается. Когда скажу «два!», группа вторая бежит влево. Смирно! Ахтунг!

КУЗНЕЦОВ:

Мне было приятно с вами. Но теперь я уезжаю.

МАРИАННА:

Алек, да что ж это такое!

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Раз!

КУЗНЕЦОВ:

Я, кажется, никогда не давал вам повода думать, что наша связь может быть долгой. Я очень занятой человек. По правде сказать, у меня нет даже времени говорить, что я занятой человек.

МАРИАННА:

Ах, ты, значит, вот как…

КУЗНЕЦОВ:

Полагаю, что вы понимаете меня. Я не ваш первый любовник и не последний. Мелькнули ваши ноги, мне было с вами приятно, а ведь больше ничего и не требовалось.

МАРИАННА:

Ты, значит, вот как… Так позволь и мне сказать. С моей стороны это все было комедией. Я только играла роль. Ты мне только противен. Я сама бросаю тебя, а не ты меня. И вот еще… Я знаю, ты большевик, чекист, Бог знает что… Ты мне гадок!

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Два!

МАРИАННА:

Ты — большевик! Уходи. Не смей ко мне возвращаться. Не смей мне писать. Нет, все равно, я знаю, ты напишешь… Но я буду рвать твои письма.

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Три!

КУЗНЕЦОВ:

Да нет же, Марианна Сергеевна, я писать не собираюсь. И вообще вы сейчас только задерживаете меня. Мне пора.

МАРИАННА:

Ты понимаешь, ты больше никогда меня не увидишь?

КУЗНЕЦОВ:

Ну да, ну да, охота вам все повторять то же самое. Проститесь со мной.

МАРИАННА:

(Отвернулась.) Нет.

Кузнецов кланяется, не спеша уходит направо. Навстречу рабочие несут знамена, связку ружей. Он замедлил шаг, глядя на них с беглой улыбкой. Затем уходит. Марианна осталась стоять у

декорации налево.

ГОЛОС В РУПОР ЗА СЦЕНОЙ:

Назад. Все назад! Никуда не годится! Господа, последний раз прошу слушать: группа первая…

Занавес

ДЕЙСТВИЕ V

Комната Ошивенских. Налево дверь в прихожую, в задней стене дверь поменьше, в соседнюю комнату, справа окно во двор. У задней стены слева от двери голый металлический костяк двуспальной кровати с обнаженными пружинами; рядом ночной столик (прислоненный к стене, очевидно из-за того, что одна ножка отшиблась) с широко открытой дверцей; перед кроватью коврик лежит криво и один угол загнулся. Справа от двери несколько чемоданов (один открыт), русский баул со скрепами, корзина, продавленная картонка, большой тюк. Пол около чемоданов испещрен белыми и коричневыми лоскутами бумаги; голый стол отодвинулся к окну, а мусорная корзина осталась там, где он стоял раньше (посредине комнаты) и, лежа на боку, извергает всякую дрянь. Стулья стоят как попало, один приставлен к шкапу (у задней стены, справа от двери), с верхушки которого, видимо, кое-что поснимали, так как с края свесился цельный газетный лист. Стены комнаты в подозрительных потеках и чудовищная люстра, свисающая

с потолка (баварское изделье: Гретхен с дельфиновым хвостом, от которого исходят, загибаясь вверх, оленьи рога, увенчанные лампочками), укоризненно глядит на пыль, на нелепое положение стульев, на чемоданы переезжающих жильцов.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Кончая укладывать чемодан.) Труха…

ОШИВЕНСКАЯ:

Хорошо бы еще веревочку…

ОШИВЕНСКИЙ:

Нету больше веревок. Труха.

ОШИВЕНСКАЯ:

И куда это мы теперь денемся? Господи ты Боже мой…

ОШИВЕНСКИЙ:

Прямо в царство небесное переедем. Там, по крайней мере, не нужно платить вперед за квартиру.

ОШИВЕНСКАЯ:

Страм, Витя, говорить так. Стыд и страм. Помоги-ка этот сундучок запереть.

ОШИВЕНСКИЙ:

Эх, грехи наши тяжкие… Нет уж, довольно!

ОШИВЕНСКАЯ:

Только ты, Витя, будь осторожен, когда станешь говорить-то с ним… Сундучок можно пока к стенке.

ОШИВЕНСКИЙ:

К стенке… К стенке… Нет уж, довольно, натерпелись. Все лучше. И за стенку спасибо.

ОШИВЕНСКАЯ:

Ты его так, больше расспрашивай — что, мол, как, мол…

ОШИВЕНСКИЙ:

И чести не жалко. Довольно. О чем ревешь-то?

ОШИВЕНСКАЯ:

Васиной могилки все равно не найдем. Нет могилки. Хоть всю Россию обшарь…

ОШИВЕНСКИЙ:

Ты лучше посылочку приготовь. Черт побрал бы эти газеты — так и шуршат под ногами… Я и сам сейчас зареву. Брось, Женя…

ОШИВЕНСКАЯ:

Не верю я ему. Такой и украсть может.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Сел у стола.) Чепуху мелешь; не в том дело. И зачем халву посылаешь, — тоже неизвестно.

ОШИВЕНСКАЯ:

Да халва это так. Главное, чтобы материю довез…

ОШИВЕНСКИЙ:

А вот где денег взять, чтобы с хозяйкой разде-

латься, — ты вот что скажи мне! *(На слове «денег» сильно бьет ладонью по столу.)* Крик ее попу-га<и>чий так мне все и слышится…

ОШИВЕНСКАЯ:

Еще бы веревочку…

Стук в дверь, входит Марианна. Она в скромном темном костюме, словно в трауре.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Без энтузиазма.) А, добро пожаловать…

МАРИАННА:

Простите… вы укладываетесь… я вам помешаю…

ОШИВЕНСКАЯ:

Входите, голубушка, ничего — мы уже кончили.

МАРИАННА:

Да… Если можно…

ОШИВЕНСКИЙ:

Погребок-то мой помните? А? Хороший был погребок, а? Проходящие ноги, а? Вот и допрыгались. Четвертым классом к праотцам.

ОШИВЕНСКАЯ:

Бледная вы какая. Голубушка, да что с вами? Лица на вас нет.

МАРИАННА:

Ах, не надо так на меня смотреть. Пожалуйста, не надо.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Встает.) Ну, Женя, благослови. Пойду с хозяйкой разговоры разговари<ва>ть. Может быть сжалится.

ОШИВЕНСКАЯ:

Иди, иди. Мы здесь с Марианночкой чайку попьем. Ах, забыла я — простите — посуда-то вся уложена. *(Ошивенский ушел.)*

МАРИАННА:

Евгения Васильевна, со мной случилось несчастье.

ОШИВЕНСКАЯ:

То-то я смотрю, душенька, вы такая вялая, тихая, узнать нельзя.

МАРИАННА:

Да, большое несчастье. Я только что была на первом представлении{16}.

ОШИВЕНСКАЯ:

Какое такое представленье, душенька?

МАРИАННА:

Ах, вы же знаете. Я играла для кинематографа. И вот вчера в первый раз показывали фильм.

{16} Комментарии: 2.16

Я только что была на первом представлении. <...> И вот вчера в первый раз показывали фильм. — Несообразность, указывающая на незавершенность работы над пятым действием в сохранившейся Рукописи драмы.

ОШИВЕНСКАЯ:

Так какое же несчастье? Пожар, что ли, был?

МАРИАННА:

Да, пожар. У меня все сгорело: мои мечты, моя вера в себя, моя жизнь. Полный банкрот.

ОШИВЕНСКАЯ:

А я как раз хотела вас кое о чем попросить, моя дорогая. Но это после, после. Говорите.

МАРИАННА:

Я увидела себя на экране. Это было чудовищно. Я так ждала минуты, когда увижу себя, и вот дождалась. Сплошной ужас. В одном месте, например, я лежу плашмя на диване и потом встаю. И вот пока снимали, мне казалось, что я такая легкая, такая живая. А тут… Евгения Васильевна, я встала, простите, задом, — выпятила зад и грузно повернулась. И все было в таком же духе.

Жесты фальшивые, убийственные{17}. А тут эта гадина, Пиа Мора, плывет, как лебедь. Стыдно…

ОШИВЕНСКАЯ:

Не беда, голубушка. Вот посмотрели бы вы, как я выхожу на паспортных карточках. Бог знает, какая морда.

МАРИАННА:

И это еще цветочки: фильм показывали только своим. Но теперь он пойдет по Берлину, а потом по всему миру и вместе с ним мои дурацкие жесты, мои гримасы, моя невероятная походка…

ОШИВЕНСКАЯ:

Я вот что хотела попросить вас, моя дорогая. Нам нужно переезжать и нет ни гроша. Не могли бы вы — ну, так марочек пятьдесят — одолжить?

{17} Комментарии: 2.17

Я увидела себя на экране. Это было чудовищно. <…> я встала, простите, задом… — Ср. в «Камере обскура» (1933) Набокова описание кинематографического дебюта героини: «Угловатая, неказистая, с припухшим, странно изменившимся ртом, черным, как пиявка, с неправильными бровями и непредвиденными складками на платье, невеста дико взглянула перед собой, а затем легла грудью на подоконник, задом к публике» (НЗ. С. 338).

МАРИАННА:

Одолжить? Ах, вы вот о чем?.. Да… Я сегодня как в тумане. Нет, Евгения Васильевна, у меня тоже ничего нет. Весь мой заработок я потратила на платья.

ОШИВЕНСКАЯ:

Ах вы, модница. Ну, ничего не поделаешь…

МАРИАННА:

На платья! Я себе купила дивное, белое, модель. И знаете для чего? Чтобы… Ах, да что говорить!..

ОШИВЕНСКАЯ:

Говорите, говорите; я, знаете, гроб-могила, никогда не сплетничаю.

МАРИАННА:

Наплевать мне на фильм. Вовсе не в нем дело. А дело в том, что я полюбила, полюбила, как дура. Попалась, значит. И он меня бросил. Вот и все.

ОШИВЕНСКАЯ:

Кто же это, немец, что ли?

МАРИАННА:

Пускай будет немец, китаец — не все ли равно… Или американец.

ОШИВЕНСКАЯ:

Перемелется, душенька. Всем не сладко живется. Марочку, вашу тезку и мою внучку, тоже вот муж бросил. Значит, за то, что гражданским браком венчались. Да, житье не сладкое. Куда мы вот денемся с моим стариком, куда денемся, просто не знаю.

МАРИАННА:

Евгения Васильевна, можно по телефону поговорить?

ОШИВЕНСКАЯ:

А вы в комнату пройдите. Там съехал жилец, а телефон остался. Не бойтесь, не бойтесь, пустая

комната. *(Марианна уходит в дверь, что в задней стене.)*

Ошивенская, кряхтя, придерживая рукой подол, отпихивает ногой чемодан в угол. Нагибается, пробует замок. Стук в дверь.

ОШИВЕНСКАЯ:

Войдите — херайн. *(Входит поспешно Кузнецов.)*

КУЗНЕЦОВ:

Однако и катавасия у вас!

ОШИВЕНСКАЯ:

Вот спасибо, что зашли… Вот спасибо…

КУЗНЕЦОВ:

Мне жена передала вашу просьбу. Я пришел за пакетом.

ОШИВЕНСКАЯ:

Как же, как же… большое вам спасибо.

КУЗНЕЦОВ:

Я спешу.

ОШИВЕНСКАЯ:

Ах, да, ведь муж хотел с вами побеседовать. У него очень важный к вам разговор.

КУЗНЕЦОВ:

Мой поезд уходит в семь часов. Мне до отъезда еще нужно побывать в одном месте.

ОШИВЕНСКАЯ:

Муж внизу, он сию минутку придет. Обождали бы, батюшка?

КУЗНЕЦОВ:

Сейчас не могу. А пакетик ваш не легкий. Если хотите, могу еще раз заглянуть — по дороге на вокзал?

ОШИВЕНСКАЯ:

Вот уж было бы хорошо! Тут вот адрес записан,

разберете?

КУЗНЕЦОВ:

Да, конечно. Только теперь не Морская, а улица Герцена{18}.

ОШИВЕНСКАЯ:

Куды нам знать: Герцен, Троцкий, не разберешь их… Посылочку не потеряйте. Привет милой Ольге Павловне.

КУЗНЕЦОВ:

Да нет, я уж с ней простился. До свиданья. Зайду через полчаса. *(Он уходит.)*

Марианна возвращается, вяло переходит через комнату, вяло опускается на стул.

МАРИАННА:

Он уехал.

{18} Комментарии: 2.18

Только теперь не Морская, а улица Герцена. — В Санкт-Петербурге, в доме 47 по Большой Морской (с 1902 г. — Морская), в 1899 г. родился и до 1917 г. жил Набоков. В 1920 г. Морская была переименована в улицу Герцена. В настоящее время улица вновь называется Большой Морской.

ОШИВЕНСКАЯ:

Вы о ком, голубушка?

МАРИАННА:

(Злобно.) Ну и скатертью дорога!

ОШИВЕНСКАЯ:

Много на свете дорожек. В мое время одна дорога была — прямая, широкая, а теперь видимо-невидимо развелось — и вкривь и вкось. Треплет нас, ох как треплет! И вот хотите, я вам скажу, откуда все зло берется, откуда зло выросло…

Входит Ошивенский.

ОШИВЕНСКИЙ:

Ничего не вышло. Заговорила о полиции. *(Садится, стучит пальцами по столу.)*

ОШИВЕНСКАЯ:

Что-то теперь будет, Господи ты мой…

ОШИВЕНСКИЙ:

Только не хнычь.

МАРИАННА:

Я пойду.

ОШИВЕНСКАЯ:

Грустная вы сегодня, душенька. Ну, идите, Бог с вами. И у нас не весело.

ОШИВЕНСКИЙ:

Всего доброго, всего доброго. В раю небесном, дай Бог, увидимся.

МАРИАННА:

(Безучастно.) Да, да, как-нибудь созвонимся. *(Уходит.)*

ОШИВЕНСКИЙ:

Фря.[15]

---

[15] Сноски: 1.15
Фря (ирон.) — важная особа (Словарь Даля).

ОШИВЕНСКАЯ:

Витя, я не хотела при ней сказать, а то весь Берлин узнал бы, что к нам большевики ходят. Он приходил за посылочкой.

ОШИВЕНСКИЙ:

Что же ты его не задержала. Ах, ты, право, какая!

ОШИВЕНСКАЯ:

Да ты постой… Он обещал, что еще зайдет до отъезда. *(Стук в дверь.)* Войдите — херайн.

Входит Федор Федорович. Он в костюме цвета хаки, с кушачком, в руке тросточка.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Я Марианну Сергеевну встретил, у самых дверей вашего дома, и, представьте, она не узнала меня. Прямо удивительно!

ОШИВЕНСКАЯ:

Ну, что слышно, Федор Федорович? Нашли?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Нашел. Paradiserstraße, пять, bei Engel;{19} это во дворе, пятый этаж. Комнатка непрезентабельная, но зато крайне дешевая.

ОШИВЕНСКАЯ:

Сколько же?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Двадцать пять. С газовым освещением и пользованием кухни.

ОШИВЕНСКИЙ:

Все это праздные разговоры. Мы все равно не можем выехать отсюда, не заплатив. А денег — нема.

{19} Комментарии: 2.19

Paradiserstrafie, пять, bei Engel… — В Рукописи адрес написан сокращенно: «Paradiser str., 5, b/Engel». К адресу добавлена «говорящая» фамилия хозяина квартиры: «у Энгеля» (т. е. у Ангела), которой отвечает название улицы («Райская»). Ср. в рассказе Набокова «Звонок» (1927): «Адрес: Планнершрассе 59, бай Баб…» (Н2. С. 495). Персонаж по фамилии Энгель, «представитель <…> очень иностранной» фирмы (Н3. С. 559), возникнет затем у Набокова в рассказе «Занятой человек» (1931).

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Да вы не беспокойтесь, Виктор Иванович. У меня, правда, тоже нет, но я, пожалуй, соберу к завтрашнему вечеру.

ОШИВЕНСКИЙ:

Выехать нужно сегодня. *(Стукнул по столу.)* Впрочем, это не важно. Не тут подохнем, так там.

ОШИВЕНСКАЯ:

Ах, Витя, как это ты все нехорошо говоришь. Вы как сказали, Федор Федорович, с пользованием кухни?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Так точно. Хотите сейчас пойдем посмотреть?

ОШИВЕНСКАЯ:

Давайте, голубчик. Что ж время терять попусту.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

А я сегодня в ужасно веселом настроении. Один мой приятель, в Париже, купил четыре таксишки и берет меня в шоферы. И на билет пришлет. Я уже хлопочу о визе.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Сквозь зубы, тряся в такт головой.) Ах, как весело жить на свете, не правда ли?

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Конечно весело. Я люблю разнообразие. Спасибо коммунизму — показал нам белый свет. Увижу теперь Париж, новый город, новые впечатления, Эйфелеву башню. Прямо так легко на душе…

ОШИВЕНСКАЯ:

Ну вот, я готова. Пойдем же.

ОШИВЕНСКИЙ:

(Федору Федоровичу.) Эх вы… впрочем…

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Да вы не беспокойтесь, Виктор Иванович. Все будет хорошо. Вот увидите. Комнатка чистенькая, очень даже чистенькая.

ОШИВЕНСКАЯ:

Ну, поторопитесь, голубчик.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ:

Досвиданьице, Виктор Иванович. *(Федор Федорович и Ошивенская уходят.)*

Ошивенский сидит некоторое время неподвижно, сгорбившись и распялив пальцы отяжелевшей руки на краю стола. Затем под окном начинают петь звонкие переливы очень плохой скрипки. Это тот же мотив, что слышала Ольга Павловна в начале II действия.

ОШИВЕНСКИЙ:

Ух, музычка проклятая! Я бы этих пиликанов… *(С крепким стуком быстро входит Кузнецов с двумя чемоданами. Ставит их в угол. Он тоже*

услышал скрипку и, опуская чемодан, на секунду подержал его на весу. Музыка обрывается.) Вас-то я и ждал. Присядьте, пожалуйста.

КУЗНЕЦОВ:

Забавно: я этот мотив знаю. *(Садится.)* Да. Я к вашим услугам.

ОШИВЕНСКИЙ:

Вы меня видите в ужасном положении. Я хотел вас попросить мне помочь.

КУЗНЕЦОВ:

Я слыхал, что ваш кабачок лопнул, не так ли?

ОШИВЕНСКИЙ:

В том то и дело. Я вложил в него свои последние гроши. Все пошло прахом.

КУЗНЕЦОВ:

Эта мебель ваша?

ОШИВЕНСКИЙ:

Нет. Сдали мне с комнатой. У меня своего ничего нет.

КУЗНЕЦОВ:

Что же вы теперь намерены делать?

ОШИВЕНСКИЙ:

То-то оно и есть. Вы мне не можете дать какой-нибудь совет? Мне очень хотелось бы <у>слышать от вас совета.

КУЗНЕЦОВ:

Что-нибудь практическое, определенное?

ОШИВЕНСКИЙ:

Я хочу вас спросить вот что: не думаете ли вы, что в самой затее кроется какая-нибудь ошибка?

КУЗНЕЦОВ:

К делу, к делу. В какой затее?

ОШИВЕНСКИЙ:

Ладно. Если вы не хотите понять меня с полслова, буду говорить без обиняков. Я, Иванов да Петров, да Семенов решили несколько лет тому назад прозимовать у раков, иначе говоря, стать Божьей милостью эмигрантами. Вот я и спрашиваю вас: находите ли вы это умным, нужным, целесообразным? Или это просто глупая затея?

КУЗНЕЦОВ:

Ах, понимаю. Вы хотите сказать, что вам надоело быть эмигрантом.

ОШИВЕНСКИЙ:

Мне надоела проклятая жизнь, которую я здесь веду. Мне надоело вечное безденежье, берлинские задние дворы, гнусное харканье чужого языка, эта мебель, эти газеты, вся эта труха эмигрантской жизни. Я — бывший помещик. Меня разорили на первых порах. Но я хочу, чтоб вы поняли: мне не нужны мои земли. Мне нужна русская земля. И если мне предложили бы ступить на нее только для того, чтобы самому в ней

выкопать себе могилу, я бы согласился.

КУЗНЕЦОВ:

Давайте все это просто, без метафор. Вы, значит, желали бы приехать в Триэсэр, сиречь Россию?

ОШИВЕНСКИЙ:

Да, я знаю, что вы коммунист, поэтому и могу быть с вами откровенен. Я отказываюсь от эмигрантской фанаберии. Я признаю Советскую власть. Я прошу у вас протекции.

КУЗНЕЦОВ:

Вы это все всерьез говорите?

ОШИВЕНСКИЙ:

Сейчас такое время… Я не склонен шутить. Мне кажется, что если вы мне окажете протекцию, меня простят, дадут паспорт, впустят в Россию…

КУЗНЕЦОВ:

Раньше всего отучитесь говорить «Россия». Это называется иначе. Затем должен вам вот что

объявить: таких, как вы, Советская власть не прощает. Вполне верю, что вам хочется домой. Но вот дальше начинается ерунда. От вас на тысячу с лишком верст пахнет старым режимом. Может быть, это и не ваша вина, но это так.

ОШИВЕНСКИЙ:

Да позвольте, как вы смеете говорить со мной таким тоном? Что вы, поучать меня собираетесь?

КУЗНЕЦОВ:

Я исполняю вашу просьбу: вы ведь хотели знать мое мненье.

ОШИВЕНСКИЙ:

Да наплевать мне на ваше мненье. У меня тут тоска, тощища, а вы мне про какие-то старые режимы. Извольте, все вам скажу. Вот хотел на старости лет подлизаться — ан, не умею. Смертельно хочу видеть Россию, правильно. Но кланяться Советской власти в ножки… нет, батенька, не на такого напали. Пускай… если позволите, заполню анкету… да и поеду, а там

возьму и наплюю в глаза вашим молодчикам, всей этой воровской шушере.

КУЗНЕЦОВ:

(Смотрит на часы.) Ну, теперь вы, по крайней мере, искренни. Можно считать наш разговор оконченным.

ОШИВЕНСКИЙ:

Эх, много бы я вам еще наговорил. Да вы у меня в доме, неловко…

КУЗНЕЦОВ:

Разрешите откланяться?

Без стука входит Ольга Павловна, останавливается в дверях.

КУЗНЕЦОВ:

Не думал, что еще тебя увижу до отъезда. Ошивенский. Что вы, Ольга Павловна, как вкопанная остановились. Входите, входите…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Да, Алеша, я тоже не ожидала. *(К Ошивенскому.)* Собственно говоря, я зашла, потому что мне недавно звонила Марианна и сказала, между прочим, что вы собираетесь переезжать — ах, твои чемоданы тоже здесь с тобой — и… да… я подумала, что вам очень трудно, что у вас совсем денег нет…

ОШИВЕНСКИЙ:

Нет, ничего. Где-нибудь раздобудем. Это большого значенья не имеет.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Все-таки. У меня есть немного свободных денег.

ОШИВЕНСКИЙ:

Ну, если так… Благодарствуйте. Да, да, вполне достаточно. Через три дня отдам.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Вот и хорошо. Чудно. Мне не к спеху.

ОШИВЕНСКИЙ:

Я вас покину. Спасибо за приятнейшую беседу, господин Кузнецов. Я должен пойти вниз, кое о чем переговорить с хозяйкой. *(Быстро уходит.)*

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Алеша, прости, что мы опять увиделись. Ты сейчас должен ехать на вокзал, да? Отчего ты так молчишь?

КУЗНЕЦОВ:

Это сиянье на твоем лице… Эх, Оля, Оля…

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Конечно, я рада, что так вышло. Какой ты смешной. Тебе сейчас нужно ехать?

КУЗНЕЦОВ:

Да, через десять минут. Черт меня подрал прий-

ти к этому старому хрычу. Кстати, знаешь, будь он моложе, он, пожалуй, мне пригодился бы для какой-нибудь мелкой работы. Совместно с Таубендорфом, что ли.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Слушай, не будем сейчас говорить о пустяках. Когда мы прощались нынче, я сдержалась. А теперь мне хочется побунтовать.

КУЗНЕЦОВ:

Ты называешь мою работу пустяками? Так неужели правда? Неужели ты меня все-таки обманывала?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Алеша, ты отлично знаешь, что я тебя обманывала. Если ты не хочешь видеть — твое дело. Я, может быть, завтра пожалею, что тебе все это выпаливаю. Но сейчас я не могу иначе.

КУЗНЕЦОВ:

(Улыбается.) Оля, пожалуйста, не надо выпаливать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Нет, нет, постой. Ведь мы с тобою уже простились. Ты уехал. Представь себе, что ты уехал. А сейчас ты меня только вспоминаешь. Ничего нет честнее воспоминанья…

КУЗНЕЦОВ:

Оля, я тебе еще раз скажу. Моя работа для меня… Это… впрочем, ты знаешь. Но вот чего ты не знаешь: я делал вещи, после которых никакая личная жизнь — жизнь сердца и так далее — для меня невозможна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ах, Алеша, это все глупости. Мне надоело. Раз уж так судьба решила, что мы сейчас встретились, так я знаю, чего судьба хочет.

КУЗНЕЦОВ:

В прошлом году, когда я был в России, произошел такой случай. Советские ищейки что-то пронюхали. Я почувствовал, что если не действовать решительно, то они постепенно докопаются.

И знаешь, что я сделал? Сознательно подвел под расстрел трех человек, мелкие пешки в моей организации. Не думай, я нисколько не жалею. Этот гамбит спас все дело. Я хорошо знал, что эти люди возьмут всю вину на себя, скорее чем выдать хоть какую-нибудь деталь, относящуюся к нашей работе. И следы канули в воду.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Это все очень страшно. Но я не вижу, как это может что-нибудь переменить. Если бы ты стал рисовать деньги, то и это ничего бы не изменило. Правда, Алеша, будем говорить по-человечески.

КУЗНЕЦОВ:

Но как ты хочешь, чтобы при такой жизни я имел бы еще какие-нибудь душевные привязанности? А главное — и я тебе это уже говорил — мне не хочется их иметь; мне не хочется, чтобы кто-нибудь боялся за меня, думал обо мне, ждал бы меня, убивался бы, если по какой-нибудь дурацкой случайности… Что же ты улыбаешься, Оля, это ведь глупо.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Если бы ты меня не любил, то тебе было бы все равно, что я боюсь за тебя и жду тебя. И, понимаешь, я буду гораздо меньше бояться, если ты уедешь, зная, что я тебя люблю. Это очень смешно: я тебя в тысячу Раз больше люблю, чем вначале, когда мы жили вместе.

КУЗНЕЦОВ:

Мне нужно ехать. Оля, так и быть, я признаюсь тебе: некоторыми чувствами мне жертвовать нелегко. Но до поры до времени нужна жертва. А теперь пойдем. Проводи меня до автомобиля.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Но постой, сперва сядем. Мы в прошлое время всегда садились перед каким-нибудь отъездом. *(Садятся на корзину.)*

КУЗНЕЦОВ:

Хорошо. Только не улыбайся так. Ведь нужно молчать.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

Ты тоже улыбаешься…

КУЗНЕЦОВ:

Нет, молчи…

Часы бьют семь.

КУЗНЕЦОВ:

(Встает.) Ну-с, мне пора.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(Бросается к нему.) А если я тебя не отпущу? Как мне жить без тебя?

КУЗНЕЦОВ:

(Кладет руки ей на плечи.) Оля, я еду в СССР для того, чтобы ты могла приехать в Россию. И все будут там… И старый Ошивенский доживет, и Коля Таубендорф, и этот смешной Федор Федорович. Все.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА:

(К нему прижимается.) А ты, Алеша, а ты?

КУЗНЕЦОВ:

(Одной рукой берет свой чемодан, другой обнимает жену и оба тихо идут к двери, причем Кузнецов говорит мягко и немного таинственно.) А ты слушай. Жил да был в Тулоне артиллерийский офицер{20}. И вот этот самый артиллерийский офицер…

Уходят.

Занавес

{20} Комментарии: 2.20

Жил да был в Тулоне артиллерийский офицер. — Как заметил Д. В. Набоков, под этим офицером подразумевается Наполеон, который в начале своей карьеры был назначен начальником артиллерии в армию, осаждавшую занятый англичанами Тулон. Бонапарт осуществил блестящую военную операцию, Тулон был взят, а сам он получил в 24 года звание бригадного генерала. Продолжение истории артиллерийского офицера, начатой Кузнецовым в финале пьесы, должно было бы, следовательно, привести к рассказу о том, как этот офицер, став императором, однажды отправился покорять Россию.

Примечания

Первое действие: Руль. 1927. 1 янв. Остальные четыре действия по-русски не публиковались и в настоящем издании печатаются впервые. Полностью драма была издана впервые по-английски в переводе Д. В. Набокова (N84[16]) по тексту, частью машинописному, частью рукописному (далее — Рукопись), сохранившемуся в альбоме матери Набокова. Первые четыре действия в Рукописи представляют собой машинописный черновик, финал второго действия дописан от руки (одна страница Рукописи). Пятое действие, целиком рукописное, первоначально завершалось словами Кузнецова «Нет, молчи…»; после этих слов Набоков вычеркнул «Занавес» и «Конец» и добавил еще одну страницу Рукописи.

Первое действие печатается по тексту, опубликованному в «Руле», с исправлением ошибок (выпущенные в газетной публикации места воспроизводятся в примечаниях по Рукописи), остальные — по светокопии Рукописи, сохранив-

[16] Сноски: 1.16

V. Nabokov. The Man from the USSR and Other Plays. San Diego; New York; London: Bruccoli Clark / Harcourt Brace Jovanovich, 1984.

шей следы редактирования (правки, вставки, вымарывания и т. п.), хранящейся в архиве Набокова в Монтрё и любезно предоставленной для настоящей публикации Б. Бойдом с согласия Д. В. Набокова; Рукопись сверена нами с машинописным текстом пьесы, хранящимся в BCNA. В театральных афишах драма имела подзаголовок «Сцены из эмигрантской жизни» (Б01.[17] С. 310).

Пьеса была заказана Набокову режиссером, театральным критиком и поэтом Ю. В. Офросимовым (1894–1967) для его театральной «Группы». 1 апреля 1926 г. Набоков пишет матери: «Были мы на представлении "Не все коту масленица". По-моему довольно удачно. Офросимов мне предложил написать для его театра пьесу, я с ним должен встретиться на днях, переговорить» (BCNA.[18] Letters to Elena Ivanovna Nabokov). Уже 6 апреля они условились: «С Офросимовым собираюсь написать пьесу (вернее, я ее напишу, а он ее поставит)» (Там же).

Набоков работал над драмой до конца октября

---

[17] Сноски: 1.17

Б.Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: биография. М.; СПб.: Независимая газета, Симпозиум, 2001.

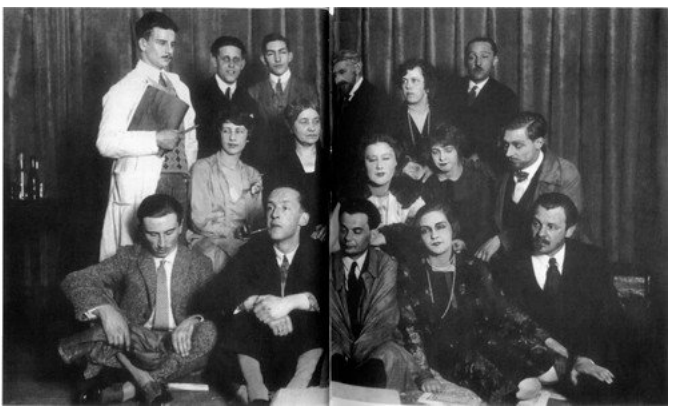
[18] Сноски: 1.18

Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library.

1926 г., впервые исходя из возможностей — весьма ограниченных — конкретного эмигрантского театра и рассчитывая на гонорар, который мог бы поправить его сложное материальное положение. Рассказывая в феврале 1927 г. своему другу Г. П. Струве о своих новых произведениях, Набоков сообщает о скорой постановке пьесы: «Вообще я теперь пишу с потуженкой, с расстановкой. За эти последние месяцы изобрел рассказ «Ужас» <...>, поэму о Кэмбридже <...> и стихотворенье <...>. Еще изобрел драму "Человек из СССР", которая сейчас очень успешно репетируется группой Офросимова и вероятно в начале марта пойдет здесь. (Буду, кстати, очень вам благодарен, Глеб Петрович, если-б вы о ней как-нибудь поместили заметку в "Возрождении")» (В. Набоков. Письма к Глебу Струве / Публ. Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина // Звезда. 2003. № 11. С. 125.). В марте 1927 г. Набоков уже был занят выбором костюмов: «Сегодня иду с моими двумя актрисами выбирать им платья, шляпы и манто в одном Салоне Мод. Все говорят о моем эсесерном человечке. Началась продажа билетов — и на днях выйдет в «Руле» великолепное объявление. В следующую субботу напечатаю второе действие. Все думаю, как устроить твой приезд сюда — хотя бы ко вто-

рому представленью! Конечно, ежели не будет грандиозного провала на первом… Вообще, все это очень волнительно» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 18 марта 1927 г.).

Премьера «Человека из СССР» состоялась в Берлине 1 апреля 1927 г. в зале «Гротриан-Штайнвег». Хотя спектакль прошел с успехом, «Группа», не имевшая собственной сцены, смогла дать всего два представления (Б01. С. 320).



В. Набоков с женой Верой (сидит крайняя слева в среднем ряду) и актеры театра «Группа», поставившего «Человека из СССР» (Берлин, 1927)

А. Б. Элькин, пославший Набокову по прочтении «Speak, Memory» («Память, говори») письмо о своих берлинских встречах 20-х гг. с его отцом, вспоминает и о спектакле Офросимова: «Я отлично помню Сирина на любительской постановке его пьесы "Человек из СССР". Пьеса, вспоминается, кончалась словами: "Был в Тулоне капитан…" Так ведь? В ответ на вызовы публики автор появился на сцене — стройный, худощавый, молчаливый, едва улыбающийся. Появился в тонком макинтоше» (BCNA. Letters to and from miscellaneous correspondents. 1925–1976. 12 ноября 1964 г.).

Отзывы на постановку пьесы были крайне скупы, в связи с чем особенно ценным представляется разбор пьесы, сделанный Б. Бродским. Отметив, что «стихия, питающая Сирина», это «тоска по родине», Бродский назвал «Человека из СССР» «первой пьесой из эмигрантской жизни» (Б.Бродский. «Человек из СССР» (На постановке пьесы В. Сирина) // Руль. 1927. 5 апр.). Удача Набокова, по мнению рецензента, в том, что «чувство художественной меры заставило его подняться над барьером, разделяющим современных гогов и магогов и быть объективным. Он не насмехается, не проклинает, он печально улыбается <…> автору представился случай отлично ис-

пользовать свои изобразительные средства для противопоставления враждующих лагерей. По эту сторону — безволие, растерянность и болтливая неврастения с наивной верой в чудеса. Там — стиснутые зубы, никаких сантиментов и умная сдержанность». Автор рецензии отметил скупость, отчетливость диалога, полновесность слов и незлобивый юмор пьесы. Сценическое воплощение также было признано удачным: «То, что «Группа» в поисках материала для очередной работы остановилась на драме В. Сирина <...> показательно <...> Там, где главное дано штрихами и события довольно сложные сжаты в пяти небольших актах — естественно предъявляются сравнительно большие требования к исполнителям. <...> Трудность воплощения пяти актов (и пяти смен декораций) на маленькой и мало приспособленной сцене «Группа» преодолела успешно. Удачно разрешена постановка в сукнах с декоративными намеками. Изящны туалеты дам. Переполненный зал и большой внешний успех спектакля...»

В статье «О молодой эмигрантской литературе» С. Постников, рассмотрев «Машеньку» Набокова, уделил несколько слов и его пьесе: «Новая драма <...> Вл. Сирина "Человек из СССР" опять же из

жизни берлинского пансиона <sic>, с каким-то непонятным героем, не то авантюристом, не то "борцом за белое дело"...» (Воля России. Прага, 1927. № 5–6. С. 217–218). В заключение, обобщая сказанное им о творчестве Набокова, критик замечает: «Автор весь в традиции, в культуре прошлого. Его собственный стиль, его индивидуальность как бы поглощены тем, что он в изобилии получил от воспитания. Но положительное в авторе то, что он живет в окружающем, он откликается на все, наблюдает глазом художника Берлин, с его "вещами"<...> и жизнь соотечественников, и немцев, и все, с чем сталкивается» (Там же. С. 224–225).

Б. Бойд связывает замысел «Человека из СССР» с участием Набокова в 1926 г. в литературном обществе, организованном его приятелем, литератором и педагогом Н. В. Яковлевым. Общество ставило перед собой задачу бороться с большевизмом на идеологическом фронте (см.: Б01. С. 306). Набоков, по-видимому, серьезно отнесся к этой затее; во всяком случае, именно в этот период он активно пишет о советских реалиях, обрушиваясь прежде всего на советскую литературу. Одной из таких «идеологических» пощечин стал доклад, озаглавленный по-пушкински «Несколь-

ко слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного», другой — заметка «Юбилей», написанная в 1927 г. к десятилетию большевистской власти, где находим то же противопоставление России и «Триэсэр», что и в «Человеке»: «Мещанской скукой веет от серых страниц «Правды», мещанской злобой звучит политический выкрик большевика, мещанской дурью набухла бедная его головушка. Говорят, поглупела Россия; да и немудрено… Вся она расплылась провинциальной глушью, — с местным львом-бухгалтером, с барышнями, читающими Вербицкую и Сейфуллину, с убого затейливым театром…» (Н2. С. 646). К этим произведениям Набокова примыкают «Рождественский рассказ» (1928), «Разговор» (1928) и памфлет о советской литературе «Торжество добродетели» (1930).

В газетной публикации список действующих лиц «Человека из СССР» был опущен, мы приводим его по Рукописи:

Кузнецов, Алексей Матвеевич, коммерсант.

Ольга Павловна, его жена.

Ошивенский, Виктор Иванович, хозяин кабачка, бывший помещик.

Евгения Васильевна, его жена.

Марианна Сергеевна Таль, кинематографическая актриса.

Люля <Рубанская>, ее подруга.

Барон Таубендорф, Николай Карлович, официант, бывший офицер.

Федор Федорович, официант, бывший офицер.

Помощник режиссера.

Эмигранты, статисты, рабочие и проходящие ноги.

Действие происходит в наши дни, в Берлине.

Согласно немецко-русской афише театра «Группа», действующие лица и исполнители были следующие:

Алексей Матвеевич Кузнецов, коммерсант, — Б. Алекин.

Ольга Павловна, его жена, — В. Галахова.

Виктор Иванович Ошивенский, хозяин кабачки, бывший помещик, — Г. Жданов.

Евгения Васильевна, его жена, — Т.Тикстон.

Марианна Сергеевна Таль, кинемато-

граф. артистка, — Е. Очагова.

Люля, ее подруга, — Ю.Деспотули.

Барон Таубендорф — А.Длужневский.

Федор Федорович — Ю.Джанумов.

Помощник режиссера в кино-ателье — И. Бугаенко.

Горничная в пансионе — Г. Роот

(N84. P. 32).

А. Бабиков